

МОНОГРАФИЯ В ЖУРНАЛЕ

Марченко К.К., Доманский Я.В.

ДВА ПОСЕЛЕНИЯ НИЖНЕГО ПОБУЖЬЯ АРХАИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ

(Опыт сравнительной характеристики материальной культуры памятников).

*Светлой памяти Елены Ивановны Леви и
Александра Николаевича Карасева (Карасям)
посвящается.*

Marchenko C.C., Domansky J.V. Two settlements of Low Bug area of the archaic time (The experience of the comparative characteristics of the material culture of monuments).

In the article the sphere of the material culture of two antique agricultural settlements of Low Bug area of the second half of VI – first quarter of V c.B.C. – Old Bogdanovka 2 and Kutsurub 1 is compared. The result of such comparison is the acknowledgement of a number of exiting differences including: in the field of goods – money relations with the local Greek centers Olbia and Berezani (Borysthenes) in quality, quantity and structure of the import, but mainly in nomenclature and specific gravity of aboriginal (is made by hand without using potter's wheel) ceramics, in the character of inner planning, in way and pace of development of building matter.

All these disparities are treated as evidence of serious cultural and ethnic differences of dwellers of the settlements. A conclusion is made that the settlement Kutsurub 1 had a more barbarian and at the same time homogeneous, in comparison with Old Bogdanovka 2, population structure, who mainly came into the Low Bug area from the region of Carpathian-Danube basin. This is mostly the reason for a weaker economic and cultural relations of this settlement with Olbia and Borysthenes in the late archaic time.

Введение

Успешное развитие в последние десятилетия археологических изысканий в Нижнем Побужье, проводимых периферийными отрядами Ольвийской экспедиции ИА НАН Украины (ранее — ИА АН УССР) и Нижнебугской экспедицией ИИМК РАН (ранее — ЛОИА АН СССР), привело к накоплению нового, обширного и разнообразного материала, убедительно характеризующего самые различные стороны истории населения этого интереснейшего района Северо-Западного Причерноморья античной эпохи. Особые успехи исследований во второй половине 1970-х — 1980-х гг. пришлось на долю наиболее ранних, архаических, памятников. По существу, впервые в археологической практике антиковедения появилась возможность представить в целом облик отдельных рядовых сельскохозяйственных поселений, располагавшихся в непосредственной близости от древнегреческих апойкии Северного Причерноморья.

Следует сразу же отметить, что сходство исторических судеб подавляющего большинства такого рода поселений и, прежде всего, поселений архаического времени, территориальная, культурная и хозяйственная связи последних с античной колонией на о.Березань (Бо-

рисфен) и Ольвией породили весьма распространенное мнение об «абсолютном доминировании эллинских элементов в составе их жителей» (Крыжицкий, Бураков, Буйских, Отрешко, Рубан 1980), «естественным» образом уживающееся ныне даже с признанием некоторой этнической гетерогенности населения Нижнего Побужья (Ср.: Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко 1989: 90, 94). С этой точки зрения практически все из так или иначе фиксируемых различий между отдельными памятниками середины VI — первой трети V вв. до н.э. до сих пор объясняются, как правило, либо недостаточным уровнем их изученности, либо функциональными и хронологическими отличиями, либо, наконец, степенью удаленности от греческих центров района, т.е. от Березани и Ольвии, и даже просто случайными отклонениями от среднестатистической картины.

Не отвергая методической оправданности такого подхода, особенно в период начального накопления информации, необходимо заметить все же, что его абсолютизация представляется пока, по меньшей мере, преждевременной, поскольку в настоящее время начинают вырисовываться целые комплексы, имеющие не только большое число количе-

Глава 1. Античное поселение Старая Богдановка 2

Раздел 1. Строительные комплексы

Одним из памятников Нижнего Побужья архаического времени, облик материальной культуры которого может быть представлен в настоящее время с достаточной полнотой и определенностью, является, несомненно, поселение, получившее название Старая Богдановка 2 (Крыжицкий, Бураков, Буйских, Отрешко, Рубан 1980: карта, № 92). Памятник был открыт сотрудником Николаевского краеведческого музея В.В.Рубаном, который в 1974 г. и заложил здесь два первых квадрата (Доманский, Марченко, Рубан 1975). С 1976 по 1979 и с 1981 по 1983 гг. поселение изучалось Нижнебугской античной экспедицией ЛОИА АН СССР (Марченко, Доманский 1981: 63-74; они же 1983: 56-72; они же 1986: 48-60; они же 1991: 57-76;

Марченко, Головачева 1985: 34 сл.; Марченко 1985: 312-313). В результате этих работ на памятнике раскрыта площадь, равная 2900 кв. м. Расположение отдельных раскопов и шурфов относительно друг друга, характер выявленной на их территории древней застройки и культурного слоя, уровень сохранности поселения в целом дают возможность считать полевые исследования в основном законченными.

Поселение Старая Богдановка 2 находится в 14,5 км к северу от ольвийского городища, между современными селами Козырка и Старая Богдановка, на границе Николаевского и Очаковского районов Николаевской области Украины. Территория памятника занимает мыс, образованный северным склоном так на-

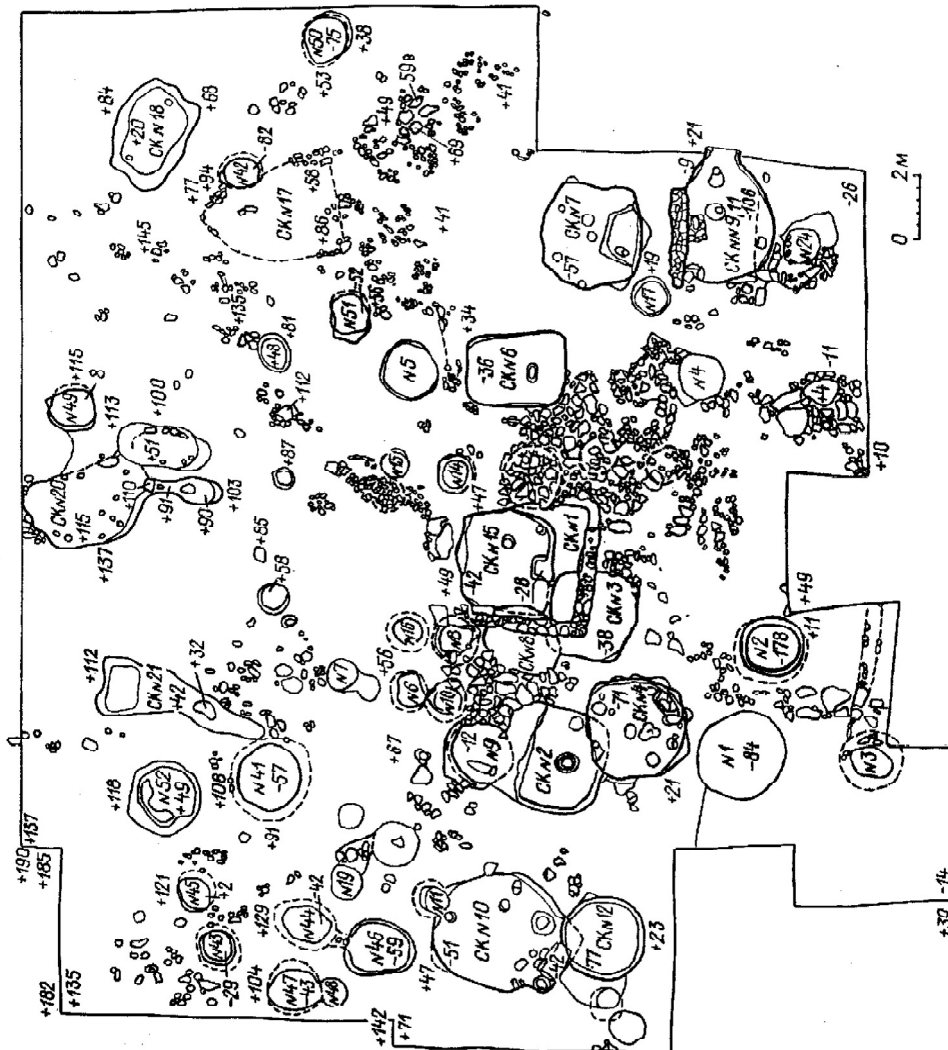

Рис. 2. Поселение Старая Богдановка 2. Раскоп 1. План.

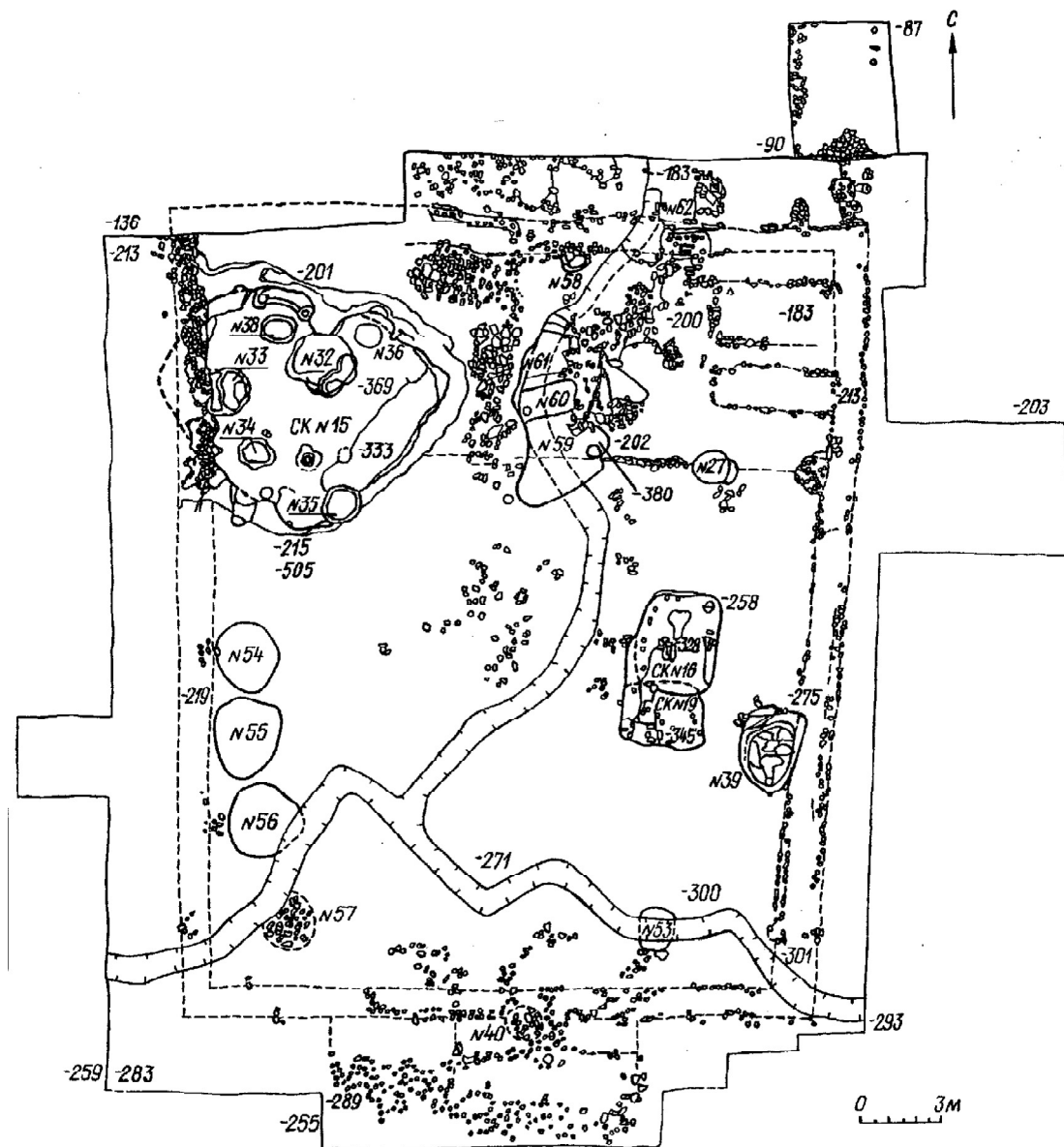

Рис. 3. Поселение Старая Богдановка 2. Раскоп III. План.

зываемой «Крутой балки», несомненно, древнего происхождения, и высоким, быстро разрушающимся берегом Бугского лимана (Рис.1). Примерно две трети территории поселения ныне занято общественным виноградником, что несколько затрудняет точное определение его истинно сохранившейся площади. Тем не менее, можно думать, что она не превышает 1,2 га.

Виноградник является практически непреодолимым препятствием на пути дальнейших раскопок поселения. Более того, даже в будущем он делает дальнейшие исследования весьма проблематичными, поскольку следует думать, что практически все наземные и слабо заглубленные в материк постройки в пределах зоны плантажной вспашки были полностью

уничтожены. Но и это еще не все. Культурные напластования памятника оказались во многих местах серьезно нарушенными современными работами и окопами военного времени и за пределами территории виноградника, особенно в северо-восточной, прибрежной части.

Тем не менее, в результате многолетних раскопочных сезонов стратиграфия памятника предстает перед нами с достаточной полнотой. Расположение поселения на склоне древней балки привело со временем к значительному смыву верхней части культурного слоя, особенно ощутимому на его южной окраине, где мощность культурных напластований за пределами углублений в материке теперь не превышает 0,1-0,2 м (без учета дерна). Мощность же слоя в наиболее удаленном от балки районе

Рис. 4. Поселение Старая Богдановка 2. Строительные комплексы № 1, 3, 5, 8.

— северо-западном — существенно больше: от 0,4 до 0,6 м. Повсеместно под дерном (его мощность до 0,25 м) залегал плотный сероглинистый слой с примесью древесной золы, содержащий остатки строительной и хозяйственной деятельности людей: каменные кладки, развалы сырца и камней, обломки керамики, кости животных, рыб и т.д. Культурный слой всюду подстилался стерильным светло-желтым или красноватым лессовидным суглинком плейстоценового времени.

На основании датировок греческой импортной керамики, обнаруженной в культурных напластованиях и строительных комплексах памятника, основной период жизнедеятельности Старой Богдановки 2 падает на последнюю треть VI — первую четверть V вв. до н.э. Именно к этому времени относятся остатки 23 жилых, хозяйственных и общественных сооружений и целая серия ям различного назначения (всего 61 единица), открытые в пределах раскопов I-V (Рис. 2-4). Помимо этого, в 1983 году были выявлены остатки еще одного строительного комплекса — № 24, но уже несколько более позднего периода — последней трети V-начала IV вв. до н.э. К этому же позднему периоду могут быть отнесены две хозяйственные ямы, обнаруженные в непосредственной близости от юго-западного угла строительного комплекса № 24 (Марченко 1985: 312-313). Необходимо заметить, впрочем, что каких-либо заметных примесей вещества этого материала последней трети V — начала IV вв. до н.э. в культурном слое поселения не зафиксировано, что, наряду с относительной малочисленностью, лучше ска-

зать — «уникальностью», таких строительных и хозяйственных комплексов, определенно указывает на крайне ограниченные масштабы жизнедеятельности на территории Старой Богдановки 2 этого времени. Данное обстоятельство, с нашей точки зрения, позволяет считать описываемый памятник Нижнего Побужья практически однослойным.

Вместе с тем, количество открытых строительных комплексов позднearerхического времени, составляющих нашу выборку, их расположение на площади поселения и относительно друг друга, дает вполне серьезные основания полагать ее репрезентативной, т.е. достаточно полно характеризующей основные наиболее распространенные типы строений. Значительность же полностью исследованной площади (около одной четверти всей сохранившейся территории) дает возможность более или менее объективной реконструкции планировочной структуры памятника.

В конструктивном отношении строительные комплексы Старой Богдановки 2 позднearerхического времени могут быть разделены на три категории: сильно заглубленные в материковый суглинок структуры — землянки, наземные строения и постройки смешанного облика, т.е. состоявшие одновременно из двух частей — наземной и сильно заглубленной в материк. Впрочем, к третьей категории строительных комплексов памятника ныне вполне можно отнести лишь одно сооружение оригинальной конструкции — № 23.

Большинство строительных комплексов позднearerхического времени — землянки (15

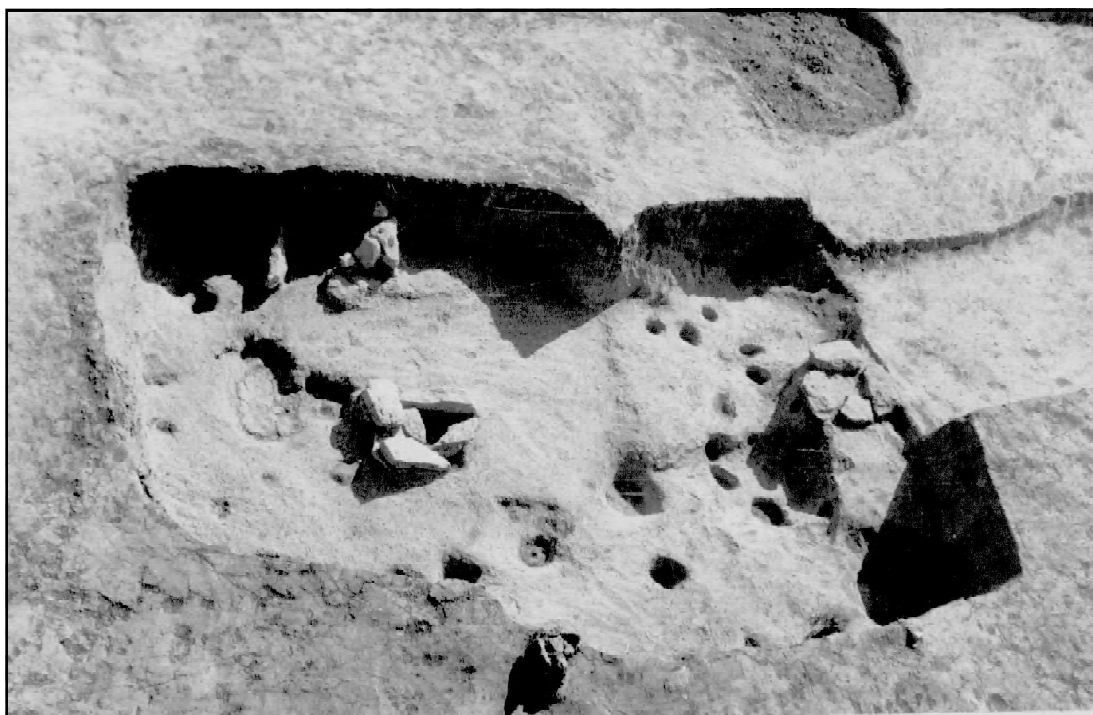

Рис. 5. Поселение Старая Богдановка 2. Строительные комплексы № 16 и 19.

единиц). К сожалению, их наземные части (стены, перекрытия) совершенно не сохранились. Единственная возможность членения выборки — форма. По этому признаку землянки Старой Богдановки 2 можно разделить на три типа: четырехугольные, круглые и овальные.

Наиболее многочисленны четырехугольные в плане структуры с округленными углами. Их десять. Девять из них (№ 2, 3, 5, 6, 7, 10, 16, 18, 19) — относительно небольшие однокамерные сооружения площадью от 7 до 13 кв. м. (Рис. 5). Все они впущены в материк с уровня древней дневной поверхности на глубину от 0,7 до 1,2 м. Борта котлованов ровные, почти вертикальные, без видимых следов специальной обмазки и т.п. Пол у всех землянок такого рода материковый, иногда со следами утоптанности и глиняной промазки. Помимо этих общих признаков, четырехугольные в плане комплексы объединяет отсутствие в них каких-либо остатков постоянных печей или очагов.

В восьми землянках этого типа обнаружены следы внутренних конструкций, хозяйственные и бытовые углубления и детали интерьера в виде небольших конических ямок от опорных столбов, поддерживавших ранее кровлю, разного рода ям, каменных выкладок, материковых возвышений-останцов и сооружений из сырца, позволяющих высказать ряд дополнительных замечаний о характере этой группы сооружений.

Эти наблюдения дают возможность предполагать, что большинство землянок — шесть — имело центральный опорный столб. В землянке № 16 основание такого столба было ук-

реплено камнями. В ряде случаев центральный опорный столб сочетался, по всей видимости, еще с несколькими дополнительными, располагавшимися либо по периметру котлована, либо в его различных частях.

В четырех землянках этого типа выявлены остатки «столиков» — четырехугольных материковых останцов, находившихся у южного борта котлованов строительных комплексов № 5, 10, 19, и одного четырехугольного же каменного сооружения — у восточного борта котлована строительного комплекса № 16. «Столики» имели сравнительно небольшие размеры: в пределах 1,0 × 0,5 × 0,3 м — высота. При этом отмечены следующие детали. В землянке № 10 «столик» в древности был обложен деревянными плахами и сырцовыми кирпичами. В другом комплексе — № 19 — в восточной части материкового останца располагалась крестообразная выкладка из четырех плоских камней известняка. По боковым (узким) сторонам «столиков» находились округлые углубления, явно с ними функционально связанные. В некоторых случаях в углублениях фиксировались фрагменты сосудов. В землянке № 10, в углублении в полу, к западу от «столика», *in situ* обнаружен целый лепной горшок. У южного борта землянки № 7 зафиксировано четырехугольное углубление в полу, как бы негативное повторяющее описанные выше «столики».

Среди четырехугольных в плане землянок Старой Богдановки 2 несколько нестандартным обликом выделяется строительный комплекс № 2. Его северную часть занимает материковый уступ высотой около 0,3 м (при шири-

не 0,8 м), возможно, использовавшийся в качестве своего рода «лежанки». Почти в центре котлована этого сооружения, на материковом полу, находилось невысокое (0,08 м) «кольцо» из сырца диаметром 0,55 м и шириной бортика 0,1 м. «Кольцо» было заполнено древесной золой с мелкими обломками керамики и костями животных и, возможно, служило домашним алтарем.

Обращает на себя внимание своими необычно крупными размерами десятая и последняя землянка этого типа — № 15 (Рис. 6). Сохранность этого комплекса, к сожалению, крайне плохая. Данное обстоятельство серьезно затрудняет его описание. Все же нет никаких сомнений в том, что комплекс — остатки самой большой из до сих пор известных в Нижнем Побужье позднеархаического времени, четырехугольной в плане землянки, ориентированной своими скругленными углами по странам света. Восстанавливаемая длина сторон — 8,0 м и 8,5 м, внутренняя полезная площадь — около 84,0 м. Котлован впущен в материк с уровня погребенной почвы на глубину до 1,5 м. Пол — плотный материковый суглинок — местами сохранил следы тонкой глиняной промазки. Вдоль юго-восточного борта котлована находилось невысокое (0,15 м) материковое возвышение шириной в 1,5 м. В полу обнаружено семь неглубоких, главным образом, овальных ям, вероятно, хозяйственного назначения, и пять небольших конусовидных ямок, скорее всего, от опорных столбов, поддерживавших в древности перекрытие. Взаимное расположение последних, к сожалению, не позволяет ныне достаточно обоснованно реконструиро-

вать тип кровли этого объекта.

Ко второму типу землянок позднеархаического времени относятся всего лишь две круглые в плане постройки — строительные комплексы № 4 и 12. Естественно, что столь малое количество круглых структур в нашей выборке не позволяет дать этому типу столь же развернутое описание, как и предыдущему. Следует думать также, что такого рода построек на поселении было вообще сравнительно немного. Впрочем, что касается характеристики типа, то создается впечатление, что по общему облику, характеру заглубленности, виду бортов и конструктивным деталям эти землянки вполне близки четырехугольным в плане сооружениям. Землянка № 12 (площадь 5,5 кв. м, глубина котлована 1,1 м) оказалась лишенной остатков внутренних конструкций. Но в землянке № 4 (площадь 8,0 кв. м, глубина котлована 0,9 м) такие следы были обнаружены: у ее южного борта на материковом полу находилась невысокая (0,1 м) подчетыреугольная загородка из сырца (длина около 1,0 м, ширина стенки загородки 0,1 м). В полу — в центре и у бортов котлована — имелся ряд небольших конусовидных ямок, очевидно, от столбов, поддерживавших шатровую кровлю постройки.

Третьему типу землянок поселения Старая Богдановка 2 позднеархаического времени принадлежат овальные в плане сооружения, занимающие как бы промежуточное положение между четырехугольными и круглыми постройками. Их, по всей видимости, также две — № 8 и 11, что также явно указывает на относительную малочисленность такого рода построек среди сильно заглубленных в землю струк-

Рис. 6. Поселение Старая Богдановка 2. Строительный комплекс № 15.

Рис. 7. Поселение Старая Богдановка 2. Строительный комплекс № 14.

тур. Следы конструктивных деталей обнаружены лишь в одной из них — № 11. Это — три небольшие конусовидные ямки от опорных столбов перекрытия.

К структурам земляночного вида позднеархаического времени поселения примыкает и сооружение в виде небольшой траншеи подтреугольной в плане формы — строительный комплекс № 21 (Рис. 2). Его единичность в выборке, необычность формы для жилых и хозяйственных построек всего района Нижнего Побужья VI — первой трети V вв. до н.э., наконец, отсутствие конструктивных деталей и их следов в котловане не позволяет в настоящее время ни причислить эту структуру к описанным типам землянок, ни выделить ее в четвертый тип.

Категория наземных строений позднеархаического времени поселения включает семь комплексов, которые условно можно разделить на два типа: прямоугольные и круглые в плане сооружения.

К первому типу такого рода строений относятся шесть комплексов (№ 1, 9, 13, 14, 17 и, возможно, 22). Два из них (№ 1, 9) представляют собой небольшие постройки (площадь 16 и 9 кв. м соответственно), со слегка заглубленным относительно древней дневной поверхности (на 0,3-0,4 м) глинобитным полом. В строительном комплексе № 1 полностью оплывшие сырцовые стены на западной и южной сторонах неглубокого котлована были возведены на цоколях, выложенных из небольших уплощенных камней известняка в системе однорядной постелистой одно-, двух- и трехслойной кладки на два лица (Рис. 4). Ширина кладки 0,5 м, высота — около 0,3 м. Подобная же кладка образовывала и цоколь северной стены строительного комплекса № 9. На других сторонах названных строений каких-либо заметных остат-

ков или даже просто следов каменных цоколей стен не обнаружено.

В строительном комплексе № 9, на полу у внутреннего фаса каменного цоколя, находились остатки каменного сооружения в виде столика (0,6 × 0,9 м), весьма схожего по своему внешнему виду со «столиками» землянок поселения. Здесь же в углу была выявлена небольшая загородка из поставленных на ребро двух плоских плит известняка.

Четыре наземные строения нашей выборки характеризуются отсутствием какой-либо заглубленности. Два из них (№ 13 и 17) — однодвухкамерные, небольшие по площади (7,0 — 9,0 кв. м), с каменными цоколями сырцовых стен. Судя по наиболее сохранившимся остаткам северной стены постройки № 13, цоколь, по крайней мере, некоторых из них образовывали два параллельных орфостатных ряда небольших уплощенных камней известняка. Таким же, может быть, являлся и крайне плохо дошедший до наших дней строительный комплекс № 22.

Совершенно исключительное место в этом ряду комплексов, да и вообще среди построек Нижнего Побужья архаического времени, занимает большое наземное сооружение с развитой внутренней планировкой — № 14 (Рис. 7). Уникальность данного сооружения, его относительная сложность заставляют остановиться на его описании подробнее.

Остатки строительного комплекса № 14 открыты у южной границы поселения, на выступе, образованном изгибом древней глубокой балки и высоким абразионным берегом лимана, непосредственно к западу от невысокого приустьевых гребня, отделенного от места расположения описываемого сооружения древним эрозионным понижением. Объект раскрыт

полностью. Сохранность остатков комплекса в силу незначительной мощности — местами до 0,1 м — культурного слоя, частично смытого в балку, современной распашки его северо-западной трети и прохождения на этом участке поселения траншей военного времени, плохая. Вместе с тем, совокупность наблюдений не оставляет сомнений в том, что названное наземное строение имело форму, близкую правильному или даже правильного четырехугольнику, восточная и западная стены которого равнялись 30 м. Протяженность северной и южной сторон, по-видимому, несколько меньше — 24-25 м. Общая площадь строительного комплекса № 14, таким образом, должна была составлять около 750 кв. м, а с прямоугольной пристройкой с юга (см. ниже) — примерно 795 кв. м.

Существенно подчеркнуть, что данный объект был возведен на погребенной почве, лежавшей на материке, и на площади предварительно забутованных рушенным материком, хозяйственным мусором и камнями жилых и хозяйственных построек более раннего строительного периода — комплексах № 15, 16, 19 и ямах № 27, 39, 40, 53-61 (Рис. 3).

От практически полностью расплывшихся в культурном слое внешних глинобитных стен строения — следы глины зафиксированы только по линии северной границы строения — дошли лишь сильно потревоженные участки каменных цоколей и их развалы. Впрочем, сохранность отдельных участков цоколей северной, южной и особенно восточной стен достаточна для восстановления всех их основных характеристик. Как установлено, ширина названных стен комплекса весьма значительна — 1,2 м. Они были возведены на двух параллельных цоколях (ширина каждого около 0,2 м) из небольших (от 0,05 × 0,1 м до 0,2 × 0,3 м) уплотненных камней известняка, поставленных орфостатно (Рис. 8). Впрочем, на некоторых участках внешних стен, в местах нахождения предварительно забутованных ям более раннего строительного периода, в цоколях использовались и более крупные — до 0,5 × 1,0 м — грубо околотые плиты.

Что касается западной внешней стены строительного комплекса № 14, то ее облик, к сожалению, достоверно не установлен: слишком велики утраты в этой части постройки, вызванные, по всей видимости, прежде всего сооружением здесь впоследствии, т.е. в третьей четверти V в. до н.э., огромной землянки — строительный комплекс № 24 (см. ниже). Как бы там ни было, здесь, на предполагаемой границе большого наземного здания, были обнаружены лишь отдельные камни известняка, возможно, от цоколя стены. Существенно отметить также, что далее к западу от этой границы никаких камней не обнаружено. Скорее всего, и эта стена была подобна остальным.

Организация внутреннего пространства

описываемого объекта, по всей видимости, была предельно логичной. Можно думать, в частности, что вся постройка делилась на три функционально различные части. Северо-восточный угол строения площадью около 90 кв. м был занят рядом — не менее 6 единиц — сравнительно небольших — от 5,0-7,0 кв. м до 13,0-18,0 кв. м — прямоугольных в плане помещений. От глинобитных стен — перегородок между отдельными помещениями — частично дошли лишь узкие — 0,3 м — каменные цоколи из вертикально стоящих небольших плиток известняка.

С запада вплотную к названному блоку помещений примыкал примерно равный ему по площади внутренний двор, вымощенный уплотненными камнями. Сохранность вымостки крайне плохая: *in situ* дошли лишь два небольших участка замоста на восточной и западной границах; средняя же часть замоста оказалась уничтоженной современной плантажной вспашкой. Судя по просадке камней двора на его стыке с блоком помещений, он, возможно, был отделен от последних глинобитной стеной.

Последняя, третья часть постройки — примерно около двух третей внутренней площади комплекса — полностью или частично отделенная от первых двух стеной на каменном цоколе обычного типа, представляла, скорее всего, немощеную открытую площадь, лишенную ви-

Рис. 8. Поселение Старая Богдановка 2. Строительный комплекс № 14. Цоколь восточной стены.

димого внутреннего членения.

Как уже упоминалось выше, у южной внешней стены строительного комплекса № 14 были выявлены остатки четырехугольной пристройки. Топография, конфигурация и археологический контекст нахождения остатков этого сооружения, дошедшего до наших дней почти исключительно в виде аморфных развалов небольших камней известняка от цоколей глинобитных стен, позволяют высказать лишь два-три более или менее оправданных предположения: пристройка, несомненно, одновременна всему комплексу и составляла с ним органическое целое; в плане сооружение имело форму правильного четырехугольника общей площадью около 45 кв. м; внутреннее пространство пристройки, скорее всего, было разделено на несколько относительно небольших помещений.

Каких-либо вещественных находок *in situ* на полу или вымостках комплекса № 14 не обнаружено. Не выявлено здесь и сколько-нибудь специфического заполнения пространства между сохранившимися участками каменных цоколей. На всей площади строения под дерном до погребенной почвы залегал обычный культурный слой. Материал, полученный при зачистке погребенной почвы на материке и разборке завалов цоколей стен в целом может быть датирован концом VI — первой четвертью V вв. до н.э. В качественном отношении он оказался в общем тождественным находкам этой и других частей поселения.

В заключение описания комплекса № 14 отметим, что каких-либо иных достоверных следов внутренних конструкций (кроме описанных выше, разумеется) в пределах площади сооружения не обнаружено; не найдено здесь и остатков постоянных или временных печей или очагов.

Второй тип наземных построек поселения позднеархаического времени представлен в нашей выборке лишь одним сооружением (№ 20) — круглым, состоявшим, быть может, из двух частей: северной — ровной материковой площадки в 7,5 кв. м, окруженной рядом небольших конусовидных ямок от опорных столбов, и южной — в виде неглубокого овального углубления в материке площадью около 3,0 кв. м. Единичность этой постройки среди строительных комплексов выборки делает выделение ее в отдельный тип условным.

Последний из строительных комплексов позднеархаического времени (№ 23) представляет собой остатки монументального сооружения совершенно нового для Северного Причерноморья античного периода типа. Указанный комплекс обнаружен на южной окраине Старой Богдановки, в 15 м к юго-востоку от большого наземного здания (№ 14), в верхней прибрежной части склона древней балки, на невысоком (от 1,5 до 2,0 м) гребне, выделенном с

напольной стороны эрозионным понижением.

Несмотря на значительные утраты, вызванные современной береговой абразией и постоянными смывами почвы по склону балки, есть все основания полагать, что данное сооружение занимало всю среднюю часть прибрежного гребня и охватывало площадь никак не менее 500-550 кв. м. Судя по стратиграфическим наблюдениям и остаткам каменной вымостки, обнаруженным *in situ* в различных частях этой площади, западный, южный и, возможно, восточный склоны гребня в процессе создания комплекса были, по всей видимости, искусственно доформованы и приподняты (на 0,2-0,6 м) с помощью специальной подсыпки гумированного материкового суглинка. Поверхность доформованных таким образом склонов сильно обожжена (на глубину до 0,1 м) и, наконец, покрыта (укреплена?) плотным замостом из небольших (не более 0,15 × 0,15 × 0,25 м) рваных камней известняка.

На предварительно уплощенной вершине гребня была создана монументальная каменная конструкция площадью около 100 кв. м — центральная часть комплекса (Рис. 9). Основным компонентом этой конструкции является, по всей видимости, врезанное в материковый суглинок на глубину до 1,2-1,4 м сооружение, ориентированное длинной осью по линии запад-восток с отклонением к югу на 30 градусов. Судя по дошедшим остаткам, сооружение состояло из прямоугольной камеры, разделенной продольной стеной на два, скорее всего, практически равные по площади помещения — северное и южное, и двух отходящих от нее на запад параллельных прямоугольных открытых «каналов», связанных с помещениями проходами, оставленными в мощной (ширина 1,4 м) западной стене камеры. Сохранившиеся размеры камеры: 4,0 × 5,5 × 6,0 м, внутренняя площадь — не менее 23-25 кв. м. Размеры продольной внутренней стены: 2,45 м — длина, 1,0 м — ширина. Ширина проходов в «каналы» — 0,75-1,0 м. Размеры «каналов» без учета мощности западной стены камеры: 0,75 × 4,0 м. Пол сооружения — тонкая (около 0,01 м) известковая промазка на материковом суглинке.

Вертикальные стены камеры и «каналов», вплотную примыкающие к материк, сложены вперевязь в системах постелистой и орфостатной тычково-ложковой однослойной однолицевой и трехслойной двухлицевой кладки из грубо околотых, реже рваных камней местных пород известняка на глине. В целом иррегулярная схема кладки стен сооружения в отдельных местах содержит явные черты рядной системы. Наиболее четко эти черты выступают, пожалуй, в кладке западной стены камеры, возведенной на высоту 1,0 м из крупных (до 0,3 × 0,3 × 0,3 м) подпрямоугольных или полигональных блоков с относительно хорошей выкадровкой рядов, и в пределах «каналов», нижний ряд стен

которых образуют полигональные плиты, поставленные на ребро. Судя по характеру нижней части заполнения камеры — рушенному обожженному суглинку — верхняя часть западной стены, возможно, дополнялась на небольшую высоту сырцом. На каменных стенках и дне обоих «каналов» повсеместно фиксировались яркие следы длительного и, несомненно, многократного воздействия высоких температур в виде налета белой порошкообразной извести, покрывающей кладку, сильно прокаленной глины, материкового суглинка красного цвета и спекшейся до стеклообразного состояния золы камыша на нем.

Как показывают данные зондажа dna северного «канала» и пола связанного с ним помещения камеры, наиболее мощному воздействию таких температур подвергались западные, т.е. торцовые части «каналов». Отметим также, что прокаленность материкового суглинка здесь охватывала пласт мощностью до 0,4 м по вертикали. По мере удаления от торцовых стен «каналов» в восточном направлении, т.е. по направлению к камере, степень проявления высоких температур убывала и практически сходилась на нет в пределах площади помещений.

Вторым компонентом центральной части строительного комплекса № 23, несомненно, конструктивно связанным с вышеописанным, является овальная площадка, расположенная над «каналами». Размеры последней: 7,8 × 10,0 м; площадь — около 73 кв. м. Ровная «рабочая» поверхности площадки — сильно прокаленный (до 0,3 м) материковый суглинок — несколько заглублена относительно синхронного дневного уровня гребня. Степень заглуб-

ленности, к сожалению, устанавливается лишь местами — на северо-восточной границе объекта, где раскопками выявлен небольшой участок обожженного материкового борта высотой около 1,0 м, и на западе, где она составляла 0,8 м.

На материковых бортах площадки, вокруг нее и соответственно «каналов», была сооружена каменная ограда (стена?) из рваных камней известняка. К моменту раскрытия комплекса от последней, к сожалению, дошел лишь развал камней, перекрывший по периметру всю внешнюю периферийную часть площадки, западную стену камеры и «каналы». Полное отсутствие участков кладки ограды *in situ* к моменту раскрытия сооружения не позволяет пока, т.е. до проведения дополнительных исследований, восстановить облик и основные параметры этого объекта. Судя по характеру развала и его размерам можно думать, однако, что наиболее крупные (до 0,3 × 0,35 × 0,5 м) камни находились в нижней части ограды, а ее высота вряд ли превышала 1,0 м.

В процессе зачистки верхнего уровня площадки и развала камней от ее ограды практически повсеместно фиксировались четкие следы горения в виде прокаленности верхнего горизонта материкового суглинка, причем степень прокаленности заметно убывала от торцовых стенок «каналов» к периферии площадки, прослойка золы серого цвета мощностью до 0,3 м и мелких обгорелых кусочков камыша.

Спектральный анализ стекловидных шлаков золы из северного «канала» (всего 3 пробы), проведенный в Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН (аналитик В.А.Галибин), дал следующие обобщенные результа-

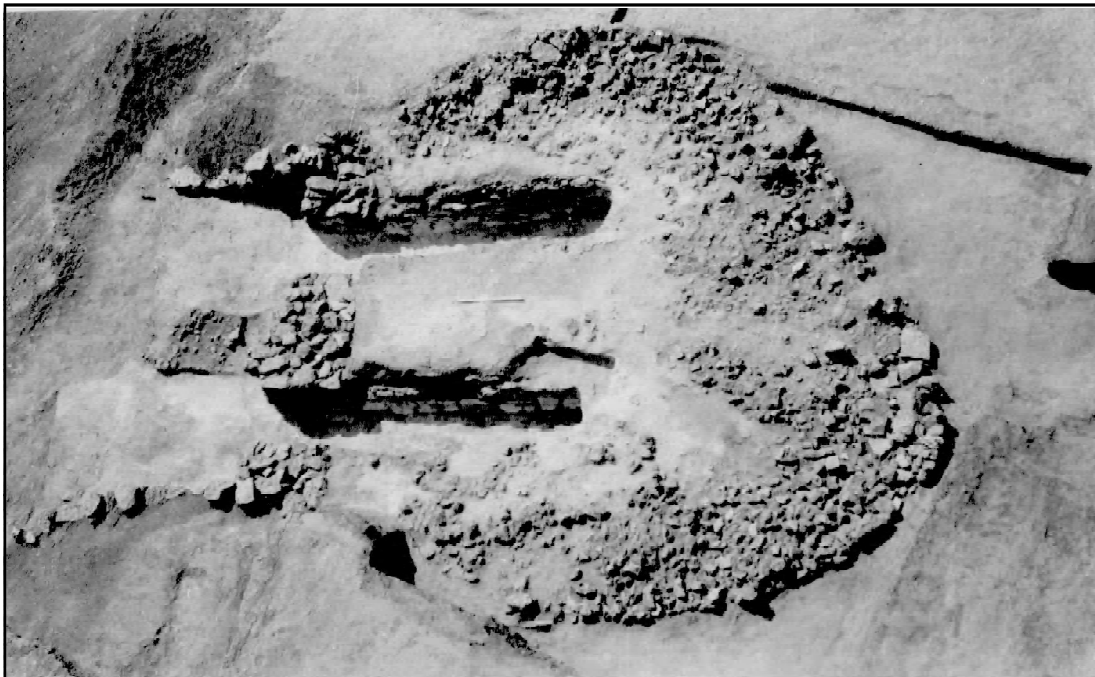

Рис. 9. Поселение Старая Богдановка 2. Строительный комплекс № 23. Центральная часть.

ты (основа SiO_2): Al_2O_3 -1,7%; Na_2O — 4,0%; K_2O — 11,0%; CaO — 14,0%; MgO — 4,5%; Fe_2O_3 — 0,9%; TiO_2 — 0,17%; MnO — 0,06%; CuO — 0,006%; P_2O_3 — 1,4%.

В заключение описания заметим, что каких-либо вещественных материалов или остатков производства (NB!) в пределах площади строительного комплекса № 23 практически не обнаружено. При расчистке площадки над «каналами» в развале камней ее ограды найден лишь один медный ольвийский дельфинчик. Еще одна находка, лишь предположительно связанная с комплексом, — бронзовый трехлопастной наконечник стрелы так называемого базисного типа — обнаружена на камнях замоста поверхности западного склона гребня.

Вместе с тем, несмотря на такое явно неблагоприятное положение с вещественными находками, отнесение самого сооружения к позднеархаическому времени в общем не вызывает сомнения. Весь археологический контекст: нахождение этого комплекса в структуре практически однослойного поселения, отсутствие на последнем и в ближайшей округе каких-либо культурных остатков более раннего времени и т.д. — позволяют уже в первом приближении отнести его к последней трети VI — первой четверти V вв. до н.э. В целом этой дате не противоречат и результаты палеомагнитного анализа материалов комплекса, давшие 540-460 гг. до н.э. Создается даже впечатление, что имеются вполне надежные основания заметно сузить указанную датировку. Открытие на площади комплекса под каменной вымосткой западного склона гребня небольшого углубления в материке, содержавшего два трехлопастных наконечника стрел базисного типа и пять ольвийских разменных монет в виде дельфинчиков, позволяет, на наш взгляд, отнести создание комплекса к заключительному этапу жизнедеятельности поселения позднеархаического времени — самому концу VI — первой четверти V вв. до н.э.

В процессе исследований поселения Старая Богдановка 2, в пределах раскопов I-III, была зафиксирована 61 вырытая в материке яма различного назначения — № 1-61. Все вышеупомянутые комплексы были созданы в позднеархаический период существования памятника.

Большая часть ям (32 единицы) раскрыта полностью. Неисследованными или недоследованными остались лишь объекты, перекрытые более поздними строительными остатками. Подавляющее большинство ям (31 единица) принадлежит к хорошо известному в Северном Причерноморье типу грушевидных, с плоским дном. По размеру они условно делятся на два варианта: ямы глубиной от 0,6 м до 2,0 м и от 2,5 м до 3,5 м. Все ямы второго варианта, т.е. наиболее глубокие, находились на южной окраине поселения, вблизи большой четыреху-

гольной землянки № 15. Ямы первого варианта распространены повсеместно. Совершенно необычной по форме оказалась лишь одна яма выборки (№ 30) — грибовидная — в виде перевернутого шляпкой вниз гриба. Диаметры устьев всех ям колебались в пределах 0,5 — 0,8 м, что хорошо подтверждается и соответствующими размерами нескольких плоских круглых, массивных каменных крышек, найденных в культурном слое или заполнении отдельных углублений в материке.

На этом, собственно говоря, и можно закончить описание остатков строительных и хозяйственных комплексов поселения Старая Богдановка 2 позднеархаического времени.

Непродолжительность существования этого поселения в архаический период существенно затрудняет в большинстве случаев четкое определение хронологической позиции отдельных объектов на основании только вещественных находок. Последовательность смены одних комплексов другими устанавливается, главным образом, стратиграфическими наблюдениями. По совокупности этих данных и датировок греческой импортной керамики в истории жизни Старой Богдановки 2 последней трети VI — первой четверти V вв. до н.э. может быть выделено ныне, по меньшей мере, три строительных периода.

Первый, наиболее ранний строительный период, характеризуется, по всей видимости, наименьшим числом комплексов. К нему, бесспорно, следует отнести две круглые землянки (раскоп I, № 4, 12), одну большую четырехугольную (раскоп III, № 15) и, возможно, еще одну четырехугольную (раскоп I, № 5). К этому же периоду, но уже более предположительно, может быть отнесено и несколько ям различного назначения (прежде всего № 8, 9, 29, 30, 54-57). Впрочем, точное их количество не устанавливается — не хватает данных, но есть основания полагать, что ям первого периода в целом было сравнительно немного.

Во втором, следующем по времени, строительном периоде на смену старым комплексам приходят новые строения. Их количество существенно возрастает. Сюда входят восемь четырехугольных землянок (раскоп I, № 2, 3, 6, 7, 10, 18; раскоп II, № 16, 19), две овальные (раскоп I, № 8, 11), одна подтреугольная (раскоп III, № 21) и, возможно, одно круглое наземное строение (раскоп I, № 20). Равным образом резко увеличивается и число хозяйственных ям. По существу, к этому периоду с большей или меньшей долей вероятности следует отнести все остальные раскрытые ямы поселения. Их количество оказывается столь велико, а насыщенность отдельных участков столь значительна, что некоторые сооружения такого рода врезаются друг в друга. В подобных случаях в местах соединения ям устраивались специальные глиняные или каменные перемыш-

ки-пробки.

Оценивая общее число комплексов второго периода как весьма значительное, следует принимать во внимание, что далеко не все они существовали во времени, так как срок бытования отдельных землянок и ям зачастую оказывался короче продолжительности самого строительного периода. Это подтверждается, в частности, и стратиграфическими наблюдениями, например, разрушением северо-западного угла отжившей землянки № 8 строящейся землянкой № 3.

К третьему, заключительному строительному периоду в истории поселения позднеархаического времени относятся все семь оставшихся комплексов нашей выборки (раскоп I, № 1, 9, 17; раскоп II, № 13; раскоп III, № 14; раскоп IV, № 22 и, судя по всему, раскоп V, № 23). Существенно отметить, что все строительные комплексы последнего периода — наземные сырцово-каменные сооружения, либо, как № 23, органически сочетающие в себе наземные сырцово-каменные и сильно заглубленные в землю конструкции.

Часть из них (№ 1, 9, 17) была окружена вымосткой из уплощенных камней известняка. Плохая сохранность вымостки не позволяет точно установить ее размеры. Однако можно предположить, что ее площадь превышала 400 кв. м. Остатки еще одной каменной вымостки зафиксированы у северной границы большого наземного здания — № 14.

В третьем строительном периоде, одновременно с сооружением вымосток, нивелируется площадь поселения, камнями и хозяйственным мусором забиваются все ранее функционировавшие ямы, засыпаются и земляночные постройки, на месте которых в отдельных случаях возникают наземные сырцово-каменные дома. Сооружение новых ям хозяйственного и иного назначения в пределах исследованной площади поселения не отмечено.

Определение функционального назначения конкретных строительных комплексов и, прежде всего, отнесение хотя бы и части из них к жилым домам, к сожалению, сопряжено со значительными трудностями — недостатком диагностирующей информации — и поэтому достаточно условно. Указанное обстоятельство объясняется, главным образом, отсутствием в пределах площади комплексов остатков постоянных или временных очагов и печей и крайней малочисленностью показательных с функциональной точки зрения находок *in situ*. Недостаточно характерными в этом отношении являются и отмеченные выше различия архитектурно-планировочных схем всех выделенных серий и типов строений поселения.

И все-таки некоторые возможности функционального членения нашей выборки строительных комплексов Старой Богдановки 2 существуют. Они проистекают из факта ее несом-

ненной территориальной, хронологической и культурной близости с многочисленными памятниками Нижнего Побужья архаического и раннеклассического времени, например, такими, как Березань, Ольвия, Ольвийское предместье (см., например: Доманский, Копейкина, Марченко 1978: 72 сл.; Крижицкий, Русяева 1978: 3 сл.; Козуб 1979: 3 сл.). Анализ всех опубликованных материалов этого времени позволяет предположить, что к категории жилых построек в первую очередь следует относить землянки, в пределах площади которых обнаружены остатки так называемых «столиков» — площадок в виде небольших четырехугольных останцов материка, глинобитных загорожек, выкладок из камня и т.п., бытового или же, что менее вероятно, чисто ритуального назначения. Наше предположение основывается на устойчивости во времени использования «столиков» на многих и самых различных памятниках Нижнего Побужья VI — первой трети V вв. до н.э., отсутствии строительных комплексов с ними явно хозяйственного, по всей совокупности данных, назначения — с одной стороны, и наличия целого ряда построек, в которых «столики» сочетались с остатками очагов, очажными ямками с золой и вещественными находками *in situ* (дельфинчиками, терракотовыми статуэтками, кухонными горшками и т.д.), определенно указывающими на жилой характер комплексов, — с другой.

Если наше предположение верно, то к категории жилых комплексов Старой Богдановки 2 позднеархаического времени в первую очередь следует отнести остатки семи строений — № 4, 5, 7, 9, 10, 16, 19, — принадлежащих разным строительным периодам.

Исходя из анализа совокупности всех характерных признаков этих семи комплексов, с известной степенью вероятности можно причислить к категории жилищ и некоторые строения, в которых такие «столики» отсутствуют. В данном случае следует учитывать относительно большие размеры построек, следы внутренней планировки, присутствие бытовой и кухонной керамики *in situ* или следов ее нахождения. В этом же плане дополнительными, разъясняющими моментами могут быть местоположение того или иного комплекса на территории поселения, обычность или своеобразие его архитектурно-планировочного решения и, наконец, степень основательности и тщательность исполнения самой постройки, выразившаяся в ее внешнем облике. Таким образом, к семи ранее названным жилым сооружениям поселения с большей или меньшей долей вероятности может быть добавлено, как минимум, еще четыре — № 1, 2, 6, 11).

Все остальные постройки позднеархаического времени (за исключением строительных комплексов № 14, 15, 23, о которых в дальнейшем будет сказано особо) следует понимать,

скорее всего, как хозяйственные или, в силу совершенно недостаточной сохранности, как, например № 22, строения неопределенного назначения.

Если наши предположения верны, то в центральной части поселения (раскопы I и II) для третьего, последнего, строительного периода можно выделить две функционально различные зоны — жилую и хозяйственную. Первую составляют два окруженных каменной вымосткой комплекса — № 1 и 9, хозяйственную же — как минимум, четыре — № 17, 18, 20, 21. Зоны довольно четко отделяются друг от друга: вторая как бы составляет периферию первой. В отношении более раннего времени можно полагать, что тогда такого определенного деления не существовало, и жилые постройки тесно соседствовали с хозяйственными.

Чрезвычайно важно отметить, что само по себе разделение центрального района поселения в третьем строительном периоде на две зоны, скученность построек тогда и в более раннее время на одном и том же участке, сплошь и рядом вызывавшая «наползание» поздних строительных и хозяйственных комплексов на более ранние (при наличии свободной площади по соседству), в целом некоторая обособленность этой территории обеих зон от остальной части поселения, наконец, непродолжительность отдельных строительных периодов заставляет предполагать, что здесь, вероятно, с момента возникновения Старой Богдановки 2 функционировал единый социально-экономический организм в его непрерывном и, по всей видимости, довольно быстром пространственном, хозяйственном и культурном развитии. Столь же оправдано в этой связи и другое предположение: существование изначальной регламентации площади поселения под жилую и хозяйственную застройку.

Однозначное определение функций оставшихся нерассмотренными строительных комплексов № 14, 15 и 23 — большого наземного здания с развитой внутренней планировкой, большой землянки и монументального каменного сооружения с овальной площадкой на вершине приустьевого гребня — в настоящее время, по всей видимости, невозможно. Все дело в том, что такие строительные комплексы раскрыты в Нижнем Побужье впервые. Не известны нам близкие аналогии этим сооружениям и среди синхронных памятников других районов греческой колонизации Северного Причерноморья. Единственная более или менее близкая по площади строительному комплексу № 14 постройка позднеархаического времени этого региона — так называемый Торик (Онайко 1976: 80 сл.) — имеет слишком большие архитектурно-планировочные отличия. Положение усугубляется еще одним обстоятельством — отсутствием вещественных находок *in situ*, безусловно связанных с этими комплексами. Все

материалы, обнаруженные при их раскрытии, в качественном отношении оказались, в общем, вполне тождественными находкам из культурного слоя других частей поселения и ничего не проясняют относительно функции. Не выявлено в этом смысле существенных отличий и в отношении отдельных категорий и групп вещественного материала.

Расширение ареала поиска прямых аналогий нашим сооружениям, к сожалению, также мало что меняет в создавшейся ситуации: для комплексов № 14 и 23 такие аналогии пока просто отсутствуют. Методически вполне оправданным, впрочем, представляется все же прямое сопоставление землянки № 15 нашей выборки со сходными с ней по площади и форме большими жилыми структурами правобережного лесостепных районов Поднепровья раннего скифского периода. Такое сопоставление в первом приближении, как кажется, дает некоторые основания полагать в старобогдановском комплексе остатки жилой по преимуществу постройки даже при отсутствии в ней следов очага или печи. В пользу такого вывода, как будто, говорит и наличие в пределах котлована этого комплекса нескольких хозяйственных углублений — ямы № 32-36, 38.

Вместе с тем, принимая во внимание указанное решение вопроса для строительного комплекса № 15, следует учитывать возможность и иного, непрямого, пути определения его базовой функции. Такая возможность проистекает из самого факта отсутствия в довольно-таки обширных материалах Нижнего Побужья архаического времени, да и других районов греческой колонизации Северного Причерноморья, остатков жилых или хозяйственных сильно заглубленных в землю структур столь значительных размеров. Сам по себе этот факт, скорее всего, может свидетельствовать в пользу вполне специфического назначения этой землянки. Но дело, конечно, не только или, точнее, не столько в этом. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что все необычно большие сооружения Старой Богдановки 2 позднеархаического времени группируются, по существу, в одном ограниченном районе поселения — на его южной окраине (раскопы III и V). Что это — случайность? Вряд ли. Против этого в первую очередь свидетельствует ранее установленный факт изначальной регламентации площади памятника под застройку. Допустимость такого сомнения становится еще более оправданной если мы примем во внимание и то, что остатки еще одной необычно большой постройки Старой Богдановки 2 — землянки № 24 площадью около 170 кв. м (при глубине котлована около 1,8 м), — о которой до сих пор почти не было речи, поскольку она относится к несколько более позднему времени, нежели все остальные комплексы, — также находятся в этом же районе поселения (Мар-

ченко 1985: 312-313). Таким образом, как кажется, у нас есть определенные основания полагать, что указанная территория памятника в течение всего периода его функционирования была отведена главным образом под сооружение необычно больших структур.

При определении функций всех этих «уникальных» построек весьма существенным, прежде всего, оказывается то обстоятельство, что они более или менее последовательно сменяют друг друга во времени — в 40-30 гг. VI в. до н.э. на южной границе поселения выкапывается большая землянка № 15, далее, на рубеже VI — V вв. до н.э. или же в самом начале V в. до н.э., прямо на ее месте возводится обширное сырцово-каменное здание — строительный комплекс № 15, практически одновременно с ним в непосредственной близости создается монументальный комплекс с «каналами» для возжигания огня — № 23 и, наконец, несомненно, уже после гибели наземного здания № 15, у его западной границы, выкапывается новая, еще более грандиозная по своим размерам землянка — строительный комплекс № 24. Такое последовательное замещение одного крупного сооружения другим в пределах одного и того же весьма ограниченного по площади района поселения представляется весьма симптоматичным. Можно предположить, что в том или ином виде оно отражает стремление жителей Старой Богдановки 2 постоянно иметь здесь постройки, предназначенные выполнять какую-то одну и, судя по большим размерам и облику строений, явно неординарную функцию. На эту же неординарность указывает, как будто, и сам факт сооружения столь крупных, требовавших, несомненно, весьма значительных затрат труда (быть может, даже заинтересованного участия полиса) строительных комплексов, на небольшом удаленном от центра государства сельскохозяйственном поселении ольвийской хоры. Тем самым допустимо думать, что по крайней мере три из четырех ныне рассматриваемых структур — № 14, 15 и 24 — могли быть созданы с одной целью. В этом случае различия между ними в размерах, типе и отдельных деталях, достаточно очевидные, чтобы их не учитывать в других отношениях, в данном приложении — признаки, по-видимому, в значительной степени внешние, во многом обусловленные, по всей видимости, развитием во времени строительных и хозяйственных возможностей местного населения.

Теперь, когда нам более или менее оправданно удалось выделить в составе рассматриваемой группы больших сооружений две части — строительные комплексы № 14, 15, 24, — с одной стороны, и строительный комплекс № 23 — с другой, — можно непосредственно приступить к определению их назначения. В силу отсутствия сколь-либо схожих структур в материалах синхронных памятников и полного от-

сутствия связанных с ними диагностирующих вещественных находок, о чем, впрочем, уже сообщалось выше, единственно оправданным представляется ограничиться на этом пути лишь отдельными замечаниями самого общего порядка, ни в коем случае не настаивая на окончательности предлагаемых решений.

Начать, по всей видимости, следует с анализа наиболее оригинального из всех сооружений Старой Богдановки 2 — строительного комплекса № 23. Нет никакого сомнения в том, что уже самое предварительное ознакомление с этой структурой начисто перечеркивает возможность ее отнесения к категории жилых комплексов. Совершенно очевидно также и то, что в морфологическом отношении центральная часть этого памятника более всего напоминает остатки печи, где прямоугольная камера должна была выполнять функцию топки, а оба «канала» являлись бы жаропроводящими «трубами». Как представляется, однако, указанное сходство охватывает не более чем внешнюю сторону комплекса, да и то лишь отчасти. В данной связи достаточно напомнить, что, во-первых, у центральной части старобогдановского сооружения не было обнаружено никаких следов свода, что, во-вторых, само горение камыша происходило не в прямоугольной камере, разделенной к тому же на два помещения, а в торцовых частях «каналов», и, что, наконец, в-третьих, сами-то размеры этой центральной части — около 100 кв. м — чересчур велики для печей античной эпохи. Если идти далее от противного, то все изложенное выше в сочетании с полным отсутствием каких-либо следов производств в пределах площади строительного комплекса № 23, да и вообще на территории всего поселения и в его ближайшей округе, заставляет отказаться и от чисто хозяйственного (производственного) назначения рассматриваемого сооружения.

Равным образом, кажется невероятным и применение этого комплекса в качестве маяка, в пользу чего может, как будто, свидетельствовать топографическое положение самого памятника — на приустьевом высоком мысу, образованном берегом Бугского лимана и склоном древней балки. Нельзя не учитывать в данном случае, однако, что единственным видом топлива, использовавшегося для поддержания огня в «каналах» сооружения, являлся камыш. Как установлено соответствующими экспериментами, одноразовая порция камыша, загруженная в «канал» центральной части «маяка» и заполнявшая его полностью до уровня овальной площадки, целиком прогорала за 13-15 минут. Совершенно очевидно, таким образом, что для поддержания более или менее регулярной работы «маяка» потребовалось бы поистине огромное количество расходного материала.

Завершая таким образом эту часть нашего

анализа, следует признать, что у нас нет никаких объективных данных для признания жилого или чисто хозяйственного (производственного) предназначения строительного комплекса № 23. Отсутствуют, по всей видимости, и убедительные основания использования этого сооружения в качестве маяка. В этих условиях единственной теоретически допустимой базовой функцией столь своеобразного памятника оказывается религиозная, так или иначе связанная с отправлением культа огня. В пользу такого предположения, помимо очевидных следов длительного или, точнее, многократного сожжения камыша в торцовых частях «каналов» центральной части сооружения, может свидетельствовать и сам внешний облик комплекса — его монументальность и, скажем, некоторая парадность, выразившаяся, в частности, в создании каменной облицовки предвдительно обожженной поверхности гребня, на уплощенной вершине которого, скорее всего, и могла происходить какая-то ритуальная церемония. В пользу этого же предположения, быть может, свидетельствует и ориентация «каналов», позволявшая полностью избежать тени в момент нахождения солнца в самой верхней части небосвода.

Как представляется, функционирование с рубежа VI — V вв. до н.э. на юго-восточной окраине Старой Богдановки 2 столь монументального культового сооружения, каковым, вполне возможно, являлся строительный комплекс № 23, не могло не придать и особого функционального своеобразия этому району поселения в целом. Более того, вполне уместно допускать, что необычное значение этого района в ряду прочих могло возникнуть значительно ранее момента строительства данного культового комплекса, ибо в противном случае мы вынуждены были бы допустить, что выбор места под создание такого поистине грандиозного и весьма трудоемкого в рамках одного небольшого сельскохозяйственного поселения сооружения был в значительной мере случайным.

Если данные соображения верны, то вполне резонным представляется и другое допущение — последовательность создания всех остальных необычно больших и своеобразных построек Старой Богдановки 2 — № 14, 15 и 24, — по-видимому, связанная с той особой ролью, которую, как кажется, играл этот район в быту и сознании местных жителей, в той или иной степени отражает историю становления и развития во времени какого-то общественно-религиозного центра населения Нижнего Побужья (см. Головачева, Марченко, Рогов 1998: 99 сл.). Следует заметить все же, что последнее заключение отнюдь не означает, будто мы склонны связывать все наиболее крупные строительные комплексы Старой Богдановки 2 только или исключительно с религиозной деятельностью местных жителей. Разумеется, нет. Та-

кое предназначение построек могло, по всей видимости, прекрасно и вполне органично уживаться и с другими, более прозаическими функциями. Так, к примеру, вполне резонно (о чем уже говорилось выше) предполагать в землянке № 15 место более или менее продолжительного проживания первых насельников поселения, на что, как будто, прямо указывает присутствие в ее пределах разного рода ям и углублений в материке. Совершенно иную «дополнительную» функциональную нагрузку, вероятнее всего, нес и обширный строительный комплекс № 14, мощные внешние стены которого и наличие большой свободной площади явно свидетельствуют в пользу его способности в минуты опасности выполнять роль убежища для жителей окрестных поселений и их скота (Марченко, Доманский 1981: 72-73). Констатируя такую возможность, следует все-таки полагать, что главное (базовое) предназначение всех этих необычных построек определялось, по-видимому, тем местом, которое они занимали в рамках деятельности единого организма — общественно-религиозного центра Старой Богдановки 2, или, учитывая более чем скромные размеры этого поселения, с одной стороны, и масштабность рассматриваемых сооружений, с другой, целого района Нижнего Побужья позднеархаического — раннеклассического периодов.

Заключая таким образом анализ функций строительных комплексов поселения, мы вправе предположить, что в пределах его территории, помимо жилых и хозяйственных зон, практически изначально существовал и район общественного назначения.

Описание и интерпретация строительных комплексов поселения Старая Богдановка 2 позволяет сделать некоторые выводы, имеющие отношение в целом к исторической судьбе памятника и его месту в системе поселений Нижнего Побужья. Естественно, без необходимого дополнения в виде анализа вещественного материала эти выводы будут иметь предварительный характер. Тем не менее попытаемся сформулировать те положения, которые непосредственно вытекают из рассмотрения сооружений — жилых, хозяйственных, общественных и культовых построек — Старой Богдановки 2.

Особенности этого памятника, в чисто археологическом выражении, по существу, являются его достоинствами в общем контексте изучения истории Нижнего Побужья и в сравнении с другими пунктами этого района. Памятник практически однослойный, почти не перекрывается культурными напластованиями более позднего времени и совершенно не содержит включений материалов эпохи поздней бронзы. Старая Богдановка 2 существовала довольно непродолжительный период. Это дает возможность не в каком-то растянутом, а

в сжатом отрезке времени, в конкретном, как бы концентрированном виде представить ее наиболее характерные черты. Наконец, поселение выделяет более или менее хорошая сохранность хотя бы части сооружений.

Последнее относится, прежде всего, к наземным сырцово-каменным постройкам. Их сохранность позволяет впервые представить полный план некоторых типов подобных сооружений архаической ольвийской округи.

Но этим фактом, естественно, не ограничивается та новая информация, которую дает исследуемый памятник. Не повторяя ряд положений и выводов, сделанных ранее, напомним лишь об открытии в южном районе поселения целого комплекса сооружений общественного и, возможно, культового назначения — № 14, 15, 23, 24. Необычно большой размер, оригинальный облик и уникальность большинства этих построек ставит указанный комплекс в особое положение, заставляя видеть в нем какой-то единый, совершенно несхожий с до сих пор известными в Нижнем Побужье, да и во всем Северном Причерноморье, общественный и культовый центр одного из районов ольвийской периферии.

Сказанное отнюдь не означает, что поселение Старая Богдановка 2 полностью выпадает из всей системы ранних памятников Нижнего Побужья. Напротив, большинство данных говорит о явном сходстве этого поселения по характеру строительной деятельности с некоторыми из ныне хорошо изученных поселений,

например, такими, как Широкая Балка, Чертоватое 7 и т.д.

Уникальные возможности для воссоздания реальной картины хозяйственной и культурной жизни ольвийской округи начального периода освоения экономического потенциала Нижнего Побужья дает комплекс построек, открытый в центральной части поселения. С одной стороны, наблюдаемая здесь относительно быстрая смена одних строений другими, быстрый переход — и это главное — от строительства менее трудоемких типов землянок к более совершенным, но зато и требовавшим больших затрат труда, сырцово-каменным постройкам, окруженным к тому же обширными каменными вымостками, позволяет снова более основательно вернуться к наболевшему вопросу генезиса отдельных типов строительных комплексов на территории Нижнего Побужья архаического времени, а с другой стороны, указывает на ускоренное и, по-видимому, совершенно не отягощенное внешними факторами экономическое и культурное развитие поселения.

В этой же связи чрезвычайно интересным оказывается и тот факт, что наиболее совершенные строения на поселении создаются в последний, третий период, т.е. буквально в канун упадка жителей. Указанное обстоятельство наводит на мысль о непреднамеренности этого упадка, вызванного, скорее всего, давлением внешних сил — военно-политической экспансией новой волны скифов.

Раздел 2. Комплекс вещественных находок

Полевые исследования поселения ольвийской сельскохозяйственной округи Старая Богдановка 2 дали многочисленный и разнообразный вещественный материал, позволяющий в той или иной мере раскрыть быт обитателей этого памятника, их повседневные занятия, контакты с внешним миром, выяснить культурную и этническую принадлежность хотя бы части местных жителей и тем самым внести дополнительные штрихи в общую картину нижебугского района Северо-Западного Причерноморья вообще и данного поселения в частности.

Разумеется, в этой работе нет никакого смысла подробно описывать абсолютно все категории находок и многочисленные отдельные предметы, безусловно, того заслуживающие. Такая задача должна стоять перед специальным исследованием. Наша же цель — только представить весь материал, все его группы, не вдаваясь в аналитический обзор или описание каких-либо разделов вещественного комплекса и уникальных, в данном случае, вещей. Именно общий обзор находок, выяснение типологического состава и удельного веса отдельных групп и категорий материала в общем балансе комплекса вполне достаточны для вы-

явления его своеобразия.

Итак, в процессе раскрытия культурных напластований поселения Старая Богдановка 2, а также строительных — жилых, хозяйственных и общественных — построек памятника было обнаружено весьма значительное количество вещественного материала различных категорий, но при преобладании керамических находок. За все годы работ на поселении найдено около 81 700 единиц обломков и, в очень редких случаях, археологически целых сосудов. Подавляющая часть этого комплекса датируется на основании греческой импортной керамики в пределах 40-х годов VI в. до н.э. по первую четверть следующего столетия включительно. Значительно менее 1% обломков амфор, найденных к тому же в пределах одного строительного комплекса поселения — № 24, может быть отнесена к несколько более позднему времени — последней трети V — началу IV вв. до н.э. Данное обстоятельство позволяет легко вычленивать из всей совокупности материалов позднеархаического времени немногочисленные обломки керамической тары классического периода и далее в тексте рассматривать весь комплекс как хронологически однородный.

Керамический комплекс поселения Старая Богдановка 2 состоит из античной круговой (гончарной) и местной лепной посуды. Статистический анализ всего массива позволяет выявить следующую, разумеется, весьма приближенную картину. На обломки греческих остродонных амфор приходится 82,6% всех керамических находок; на долю круговой посуды всех категорий — 14,2%; на лепные сосуды — 3,2%.

Соотношение круговой и местной лепной керамики (без учета обломков амфор) в этом массиве выглядит как 80,5% к 19,5%. Если же сравнить кухонную круговую посуду с лепной, то окажется, что соотношение между ними составляет 37,5% к 62,5%.

Такова общая статистическая оценка всей выборки керамического комплекса поселения в целом, примерно повторяющая ту же картину по отдельным участкам. Значительные отклонения от нее наблюдаются лишь в отдельных случаях. Так, например, необычно высокий процент содержания круговой кухонной посуды зафиксирован в составе находок из заполнения котлована землянки № 15 — 31% от общего числа обломков всей круговой керамики, разумеется, без учета фрагментов амфорной тары. Равным образом, совершенно исключительным представляется и соотношение удельных весов групп лепной и кружалной посуды в этом же комплексе — 40% к 60%. Еще один подобный пример: в заполнении серии ям (всего 12 единиц) на раскопе I, т.е. в центральной части поселения, соотношение групп лепной и круговой керамики составило 52% к 48%.

Впрочем, необходимо иметь в виду, что процентное соотношение различных категорий посуды в целом по поселению несколько отличается от такового в отношении культурного слоя и строительных комплексов (жилых, хозяйственных и общественных сооружений) в отдельности. Причем отличается главным образом по группе амфор. Как установлено, в культурном слое выше процент обломков тары (до 90% общего числа керамических находок); в комплексах же этот показатель существенно ниже — всего 75-77%. Соответственно с этим меняется и удельный вес других групп посуды.

Что касается доли импортной, главным образом, ионийской и аттической (чернолаковой и расписной) керамики, то она во всей группе круговой посуды колеблется в пределах 20-25%.

Как уже отмечалось выше, практически весь керамический материал (прежде всего импортная античная посуда) поселения Старая Богдановка 2 укладывается в рамки второй половины VI — первой четверти V вв. до н.э. Правда, если иметь в виду первую часть этого хронологического отрезка, то более основательно, несомненно, представлена последняя треть VI в. до н.э. Что же касается времени керамических изделий, обнаруженных в заполнениях отдельных строительных комплексов, то в этом слу-

чае наблюдаются некоторые отличия в пределах названной общей даты, отличия, обусловленные разновременностью создания и функционирования тех или иных объектов, что и служило одним из оснований отнесения их к определенным строительным периодам поселения. Так, например, материалы уже упомянутого строительного комплекса № 15 датируются лишь второй половиной VI в. до н.э., а комплекса № 1 — последней четвертью VI — первой четвертью V вв. до н.э.

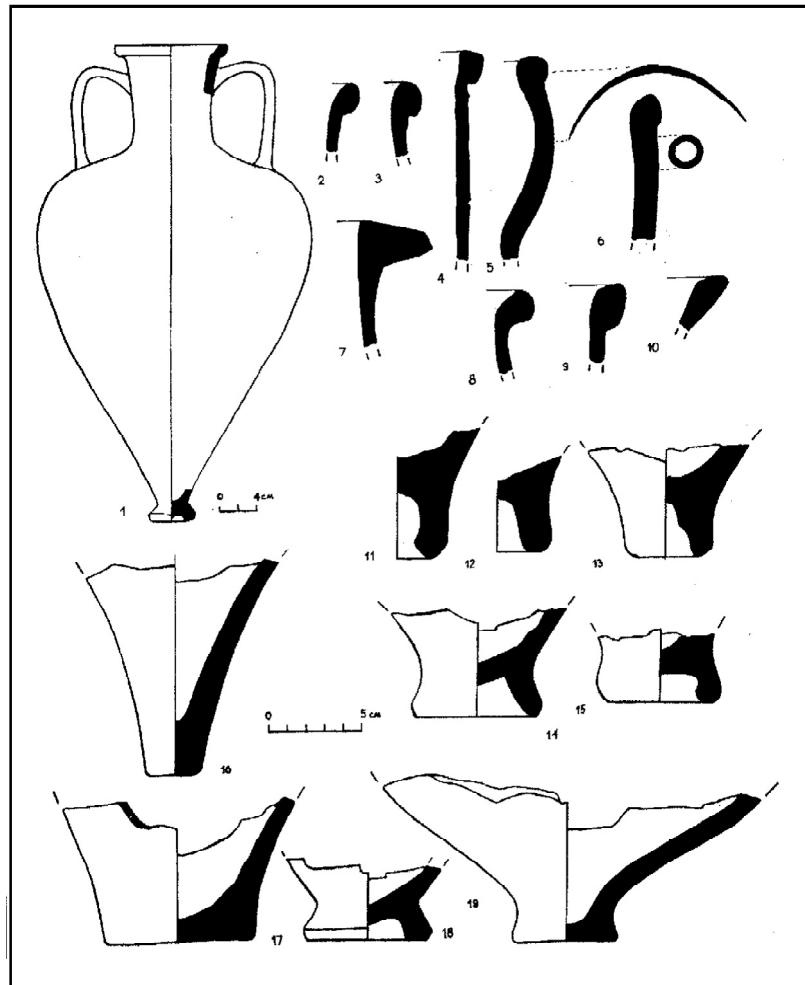
Рассмотрим отдельные группы посуды, составляющие весь обширный керамический комплекс поселения Старая Богдановка 2. Начнем с тары — остродонных амфор. Как видно из приведенных выше цифр, подавляющее место в массиве керамических находок занимают амфорные обломки, главным образом фрагменты стенок. Ясно, что многочисленность обломков амфор — этих довольно-таки крупных изделий — не отражает реального числа тары древнего поселка. Более соответствующее действительному количеству сосудов, бывших в употреблении у его жителей, дают сведения о числе амфорных ножек — их на поселении найдено 248 единиц. К этой цифре следует добавить две археологически целые амфоры, обнаруженные в заполнении строительного комплекса № 6.

Относительно небольшое число профилированных частей амфор — венчиков и ножек (Рис. 10) — позволяет представить в достаточной полной мере типологический состав группы. Создается впечатление, что он вполне обычен для керамических комплексов Северного Причерноморья второй половины VI — первой трети V вв. до н.э.

Наибольший удельный вес в группе, как и повсюду, занимают обломки хиосской пухлогорлой тары; далее по мере убывания располагаются так называемые протофасосские амфоры и красноглиняные амфоры с узким стаканообразным дном, а затем уже единичные фрагменты тары ионийского, самосского или клазоменского, лесбосского и коринфского происхождения. Наконец, определенный, впрочем, крайне небольшой процент обломков тары принадлежит, очевидно, несколькими до сих пор не известным центрам Восточного Средиземноморья.

Среди амфорных находок обращает на себя внимание ряд экземпляров, требующих по тем или иным причинам особого внимания. Это прежде всего крайне немногочисленные фрагменты тары с разного рода раскраской по горлу и тулову (Марченко, Доманский 1983: 57-58, рис.2). Особый интерес, с нашей точки зрения, представляет тара, снабженная вдавленными клеймами. Среди последней категории материала отметим два клейма на ручках амфор протофасосского типа в виде буквы «Е» и клейм в виде кружков и крестов на горлах и ножках. Этим,

Рис. 10. Поселение Старая Богдановка 2. Амфоры.

по существу, и ограничивается набор клейменной тары поселения Старая Богдановка 2.

Крайне редко в материалах поселения выявляются обломки еще одного вида тары — пифосов. Один такой фрагмент края пифоса относительно небольшого размера был орнаментирован прочерченным орнаментом и имел свинцовую скрепу.

Определенное место в керамическом комплексе памятника занимает аттическая посуда, как расписная, так и простая чернолаковая. Расписная аттическая керамика, обычная для второй половины VI — самого начала V вв. до н.э., представлена, как правило, небольшими фрагментами чернофигурных сосудов различных форм (Марченко, Доманский 1983: 59, рис.3). Это прежде всего обломки скифосов с изображением сфинксов, датируемые самым концом VI — началом V вв. до н.э. К этому же времени, по всей видимости, могут быть отнесены фрагменты так называемых больших скифосов с фигурами менад, сатиров и сирены. Наиболее ранними экземплярами аттической керамики на поселении являются фрагменты чаш-киликов. Среди последних в первую очередь следует назвать обломки килика с изображениями оленей и петуха, принадлежащих к

так называемой группе Друпа (Droop cup), датируемых еще 540-530 гг. до н.э.; к несколько более позднему времени — к 530-510 гг. до н.э. — могут быть отнесены край килика с изображением петуха и курицы (стиль мастера Тлесона) и часть лекифа с гоплитом, покидающим дом. Крайне редко в составе этой группы сосудов фиксировались обломки аттических кратеров. В одном экземпляре представлена категория фигурных сосудов.

Намного более многочисленной оказалась группа простой чернолаковой аттической посуды — скифосов, киликов и мисок. Другие формы чернолаковых сосудов этого же центра единичны. Это, например, целая солонка и целый же светильник, фрагменты леканы и аска. В составе группы отдельного упоминания заслуживает обломок края чернолакового килика с частью посвящения (Марченко, Доманский 1983: 59, рис.3, 4).

Иные, помимо Аттики, центры, изготовлявшие расписную посуду, представлены в нашем материале весьма незначительным количеством экземпляров. В их число входят коринфские сосуды, хиосские, самосские и клазоменские (Марченко, Доманский 1983: 60, 61, 63, рис. 4, 5 и 6).

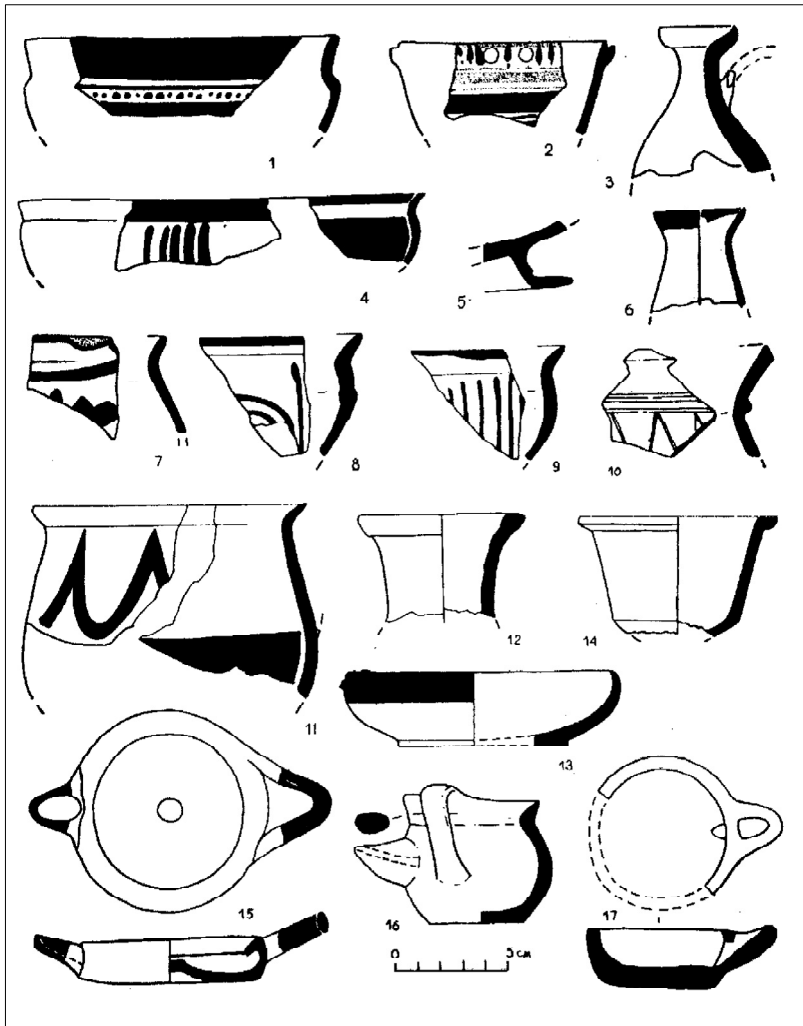

Рис. 11. Поселение Старая Богдановка 2. Ионийская керамика (1, 3-12, 15); коринфский скифос (2); аттическая чернолаковая миска (13); простая посуда (14, 16, 17).

Группа простой ионийской (возможно, отчасти кикладской?) керамики в коллекции состоит из сосудов довольно разнообразных форм и функций (Рис. 11). Большая часть такого рода сосудов орнаментирована горизонтальными ломаными, волнистыми и вертикальными полосками и линиями. Это — бытовая, столовая и вотивная посуда: килики, кувшины, миски, аски, флаконы, фляги, светильники. Орнамент на сосудах выполнен обычно в краске красного, коричневого, черного и пурпурного тонов, значительно реже — в рельефных и прочерченных линиях.

Вернемся, однако, к отдельным категориям старобогдановской посуды. Весьма многочисленна и разнообразна по формам и назначению обычная для поселений Нижнего Побужья позднеархаического времени простая неорнаментированная сероглиняная, красноглиняная и светлоглиняная бытовая, столовая и кухонная керамика (Рис. 12). Кухонная посуда содержит горшки и кастрюли различных форм, как красно-, так и сероглиняные, последние часто с подлощенной поверхностью в темном или черных тонах. Весьма значительно в этой группе посуды и количество мисок. Единичны

образцы сероглиняных киликов, кубков, блюд, гуттусов и светильников. Толстостенная посуда представлена в коллекции обломками лутериев различной формы; здесь же имеются и фрагменты больших сосудов типа кратера.

Как уже упоминалось выше, группа лепной керамики в составе вещественных находок на поселении Старая Богдановка 2 занимает довольно скромное место, составляя всего 19,5% его керамического комплекса. К сожалению, едва ли не весь накопленный к настоящему времени массив такого рода посуды состоит из небольших обломков. Счастливым исключением составляют лишь два археологически целых горшка, один из которых, заметим кстати, обнаружен *in situ* в специальном углублении в полу строительного комплекса № 10, у так называемого «столика» (Рис. 13, 5). Данное обстоятельство естественным образом затрудняет развернутую характеристику группы сосудов, сработанных от руки без применения гончарного круга.

Не подлежит сомнению, впрочем, что лепная керамика Старой Богдановки 2 в технологическом отношении, по всей видимости, ничем существенным не отличается от подобной посуды, известной в Северном Причерноморье

по материалам могильников и поселений местных племен раннескифского времени. Здесь, как и в других районах Скифии, лепные сосуды выделялись из грубой плохо отмученной глины, содержащей в качестве искусственных добавок-отошителей шамот и дресву. Подставку, на которой происходила формовка керамики, вероятно, посыпали песком, мелкокорубленной соломой или покрывали куском грубой ткани. Наиболее употребительный вид лепки — последовательное наращивание отдельных лент на днище. Ряд горшков изготовлен начиная с венца.

Весьма важной технологической и одновременно, по всей видимости, хронологической чертой рассматриваемой керамики поселения является полное отсутствие в ее составе сосудов с лощеной или даже подлощенной поверхностью. Вся керамика группы носит на себе следы простого заглаживания поверхности пучком травы или мокрой тряпкой, причем заглаживания подчас весьма скверного качества.

В морфологическом отношении, по формальным отличиям, в группе выделяются только шесть типов. Следует сразу же подчеркнуть, что все они, будучи поневоле построенными на крайне ограниченном количестве признаков, весьма схематичны, условны и лишь в первом приближении отражают реальное разнообразие форм лепной посуды, бытовавшей на по-

селении.

Не подлежит сомнению, что наиболее распространенным (около 85% группы) типом лепной керамики Старой Богдановки 2 (тип первый, безусловно использовавшийся здесь в быту в течение всего времени существования поселения) являлись сосуды с более или менее отогнутым наружу заостренным, скругленным или, как вариант, плоско срезанным краем, более или менее выраженным горлом, округло выпуклыми боками и относительно небольшим плоским днищем (Рис. 13, 1-9, 13,15,21-23).

Судя по имеющемуся в нашем распоряжении материалу, виды профилей такого рода сосудов варьировали от почти прямого края, едва намеченного горла и покатых плеч до резко отогнутого края и сильно выпуклых плеч. Соответственно с этим, видимо, значительно отличались и соотношения основных широтных размеров изделий этого типа. Данное обстоятельство, несмотря на отсутствие возможности практически определить действительный размах отличий и их значимость для классификации, заставляет предполагать наличие в составе рассматриваемого типа как минимум двух вариантов форм — слабопрофилированных сосудов бочонковидной или близкой ей формы, диаметр устья которых был лишь чуть меньше или примерно равнялся большему

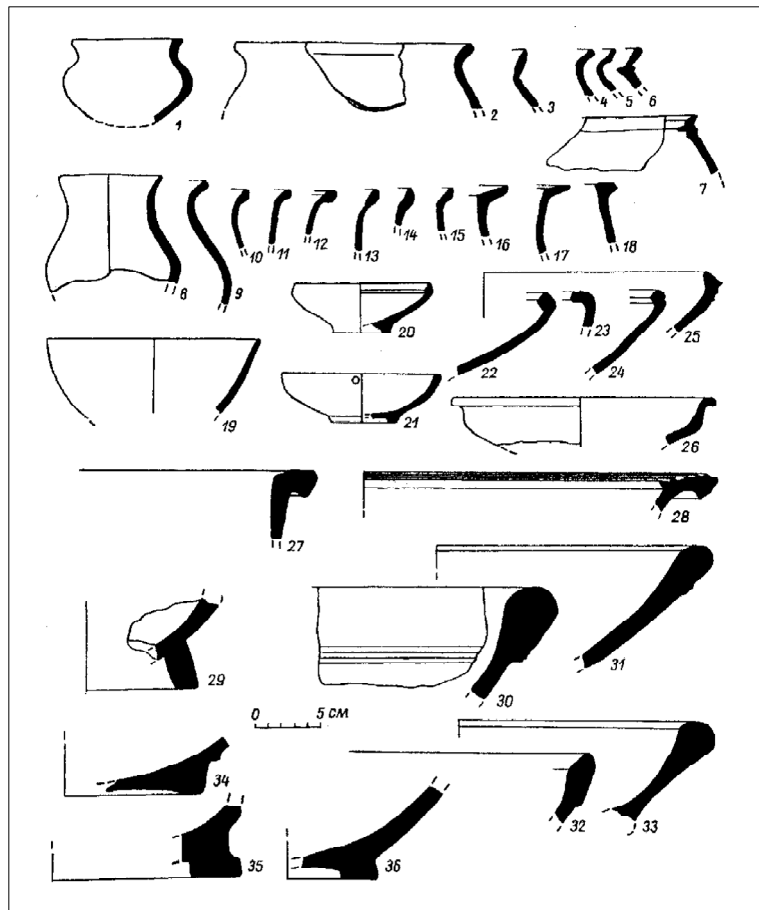
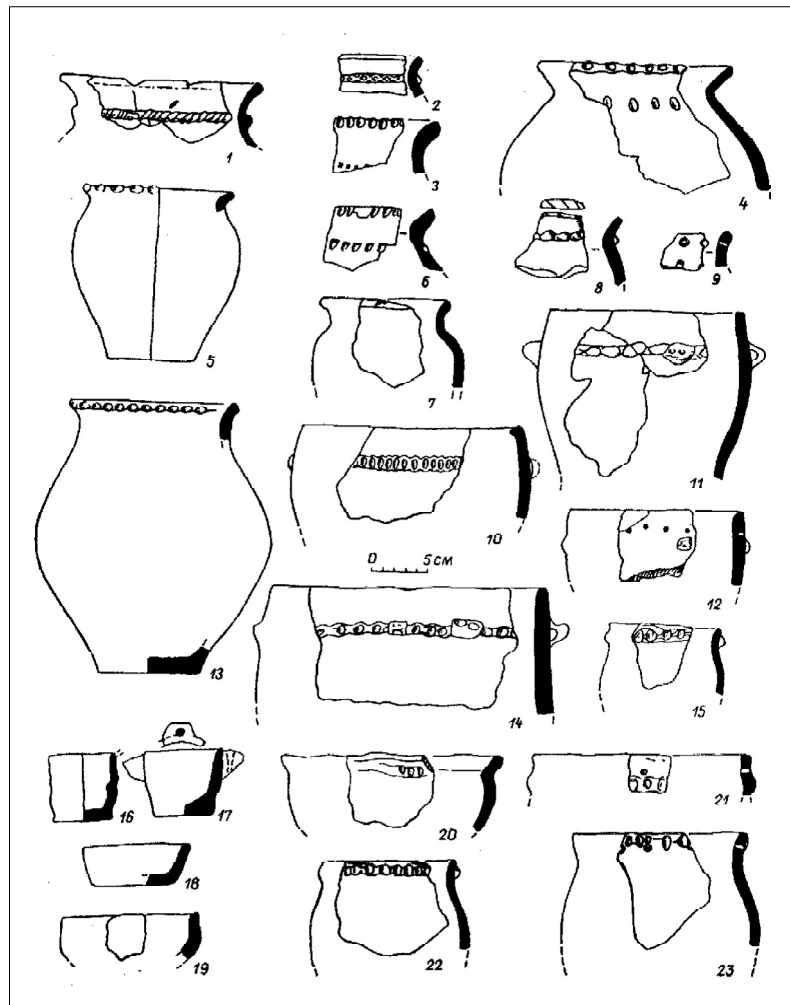

Рис. 12. Поселение Старая Богдановка 2. Простая сероглиняная, красноглиняная и светлоглиняная керамика.

Рис. 13. Поселение Старая Богдановка 2. Лепная керамика.

диаметру тулова (Рис. 13, 15, 21-23), и горшков с четко выраженным горлом и широкими округлыми плечами (Рис. 13, 1-8, 13). К сказанному можно добавить, что, как представляется, подавляющее большинство сосудов первого типа имело в общем небольшие размеры, поскольку диаметры устьев поддающихся измерению экземпляров такого рода изделий ни разу не вышли за пределы 9—26 см.

Не менее 70% всех сосудов первого типа украшено. Наиболее популярным видом украшений (около 67% украшенных обломков) были неглубокие пальцевые или ногтевые вдавления, нанесенные в линию по горлу или краю сосуда (Рис. 13, 4, 5, 13). Крайне редко такого рода орнаментация дополнялась вдавлениями же палочек-штампов, имевших круглую, подтреугольную или четырехугольную форму торца (Рис. 13, 3, 6).

Налепной, реже оттянутый, валик на керамике рассматриваемого типа фиксируется примерно на 33% фрагментов и, как правило, на наиболее ранних экземплярах. Практически во всех случаях валик, расположенный на горле или по краю, моделировался пальцевыми вдавлениями или защипами (Рис. 13, 2, 8, 15, 21,

22). Лишь в одном случае валик оказался расчлененным косыми вдавлениями веревочки.

Чрезвычайно существенным, с этнокультурной точки зрения, элементом декора, отмеченным не менее чем на 10% орнаментированных горшков первого типа, являются сквозные проколы по краю (Рис. 13, 9, 21, 22). Именно эти последние, на наш взгляд, позволяют с достаточной степенью достоверности устанавливать типологическую, а затем и генетическую связь определенной части керамики первого типа со сходной посудой лесостепной зоны Поднепровья и Побужья VI в. до н.э. Не подлежит сомнению присутствие в составе этой керамики и изделий (Рис. 13, 4, 5, 7, 13), имеющих прямые аналогии среди соответствующих материалов степных районов Северного Причерноморья, в том числе и самого Нижнего Побужья, включая Ольвию и Березань (Марченко 1976: 162-164, рис.3, 1-8).

Удельный вес второго типа посуды в группе лепной керамики поселения значительно ниже, чем предыдущего: всего около 11-12%. Его составляют так называемые фракийские банки (Рис. 13, 10-12, 14, 17), хорошо известные по материалам VI—V вв. до н.э. некоторых

районов степного и лесостепного Побужья и Поднестровья, но прежде всего — на территории Карпато-Дунайского бассейна. Известны они также и в составе лепной керамики VI в. до н.э. Ольвии и Березани (Марченко 1976: 162-163, рис.3, 9-11).

От сосудов первого типа их отличает полное отсутствие сколько-нибудь выраженного горла, прямые или даже слегка скошенные внутрь в верхней части стенки, а также наличие ручек-упоров в виде продолговатых налепов. Что касается основных размеров банок, бытовавших на поселении Старая Богдановка 2, то можно думать, что и в этом случае преобладали изделия средней величины. Как бы то ни было, диаметры устьев практически всех сосудов этого типа колеблются в пределах 12 — 16 см. Единственный случай отступления от этого правила — сравнительно небольшая баночка с ручками-упорами, имеющими сквозные отверстия для подвешивания (Рис. 13, 17), ничуть не меняет общего впечатления.

Около 63% всех банок орнаментировано. Основные виды орнамента в общем те же, что и отмеченные для сосудов первого типа. Можно думать, правда, о совершенно ином соотношении отдельных мотивов украшения. Так, например, создается впечатление, что банки значительно чаще (до 60% всех орнаментированных экземпляров) украшались в верхней части горизонтальными налепными валиками, моделированными пальцевыми вдавлениями или защипами. Равным образом несколько чаще валики дополнялись и сквозными проколами и наколами (Рис. 13, 12) — около 25% обломков орнаментированных банок. Следует, пожалуй, отметить и то, что в коллекции лепной керамики с нашего поселения совершенно отсутствуют изделия второго типа, украшенные отпечатками штампа.

Все остальные выделенные типы лепной посуды Старой Богдановки 2 — от третьего до шестого включительно — крайне малочисленны и в общем объеме группы едва ли составляют более 2-3% обломков. Это прежде всего лепные кастрюли — явная имитация наиболее расхожей формы греческой круговой кухонной керамики. К сожалению, в коллекции не оказалось ни одного целого сосуда такого рода. Наиболее показательным обломком керамики третьего типа, на наш взгляд, является фрагмент верхней части кастрюли с коротким отогнутым наружу краем, имеющим уступ под крышку, и покатыми, резко сходящимися к явно небольшому, возможно, круглому дну, стенками (Рис. 13, 20). Существенным, с этнокультурной точки зрения, элементом этой кастрюли кажется обычная именно для лепной керамики Северного Причерноморья орнаментация в виде небрежных пальцевых вдавлений по венчику.

Четвертый тип — небольшая кружка с прямыми стенками и, по всей видимости, простой

петельчатой вертикальной ручкой (Рис. 13, 16). Внутри кружки фиксировались следы длительного воздействия огня на стенки. Наличие лепных сосудов с подобными ручками в составе группы лепной керамики поселения засвидетельствовано в коллекции еще одной круглой петельчатой ручкой.

Пятый тип — миски в виде перевернутого усеченного конуса (Рис. 13, 18).

Шестой тип — миски со сферическим туловом и чуть загнутым внутрь краем (Рис. 13, 19).

Завершая описание лепной керамики поселения, следует заметить, что, помимо указанных выше типов, здесь могли существовать еще какие-то более редкие и специфичные формы, по тем или иным причинам не попавшие в коллекцию или представленные в ней очень небольшими обломками, не позволяющими даже примерно представить себе тип изделия (например, фрагмент фигурной подставки сосуда).

Сопоставление выделенных типов посуды поселения Старая Богдановка 2 с керамикой синхронных памятников Северного Причерноморья и Карпато-Дунайского бассейна дает возможность рассматривать подавляющую часть группы в ряду остатков материальной культуры местного, автохтонного населения раннескифского времени. Вместе с тем, создается впечатление, что сама эта керамика в этнокультурном отношении неоднородна. В ней, как и в керамике Ольвии и Березани, могут быть выделены по меньшей мере четыре генетически различные части, а именно: керамика, связанная с населением лесостепных районов Правобережной Украины; керамика, аналогичная бытовавшей у жителей степной зоны Северного Причерноморья; баночные сосуды фракийского облика и, наконец, посуда, имитирующая в лепной технике наиболее популярные формы греческой кружальной кухонной и бытовой керамики.

Наконец, заметим, что наличие в составе второго типа сосудов довольно большого числа изделий, украшенных также сквозными проколами и наколами, — орнаментацией, характерной прежде всего и главным образом для посуды лесостепных районов Украины, — заставляет в данном случае усомниться в территории Карпато-Дунайского бассейна как непрременном и прямом источнике проникновения сюда, на поселение Старая Богдановка 2, носителей керамики этого типа и расширить ареал поиска этого источника районами лесостепного Побужья и Поднестровья, где, как известно, аналогичная керамика с проколами составляла в VI в. до н.э. довольно заметный процент керамического комплекса местных жителей.

Кроме посуды, на поселении Старая Богдановка 2 встречен вещественный материал самого различного назначения и характера — от весьма малочисленных и невыразительных

групп до более или менее значительных категорий предметов, позволяющих составить определенное представление и о них самих, и об их роли в жизни поселка. Ниже рассматривается весь этот материал, начиная с изделий явно производственного характера (см. также: Марченко, Доманский 1983: 69, рис.10).

Предметы из камня: обломок кремневого орудия; фрагменты и целая зернотерка — плоская, вытянутая четырехугольная в плане и уплощенно-овальная в поперечном сечении плита; точильный песчаниковый брусок (Рис. 14, 41) и оселок (Рис. 14, 42); терочник; округлой формы грузила для рыболовных снастей; три плоских больших крышки от хозяйственных ям и одна от пифоса; обломок литейной формы, должно быть, для отливки каких-то украшений.

Железные предметы: часть обкладки с остатками заклепок (Рис. 14, 44); несколько обломков удлиненных пластин, возможно, лезвий ножей (Рис. 14, 36, 37) и фрагмент лезвия ножа с горбатой спинкой (Рис. 14, 35); обломки втоков (Рис. 14, 46) и, отметим особо, остатки большого орудия, может быть, мотыги (Рис. 14, 43).

Предметы из глины: обломки жаровен (тип не устанавливается); круглые, возможно, рыболовные или ткацкие грузила (Рис. 14, 40); многочисленные пряслица, в основном бочонковидной, круглой и биконической формы (Рис. 14, 22-26, 29-31).

Большинство перечисленных предметов — производственного (хозяйственного) назначения, орудия труда. К подобным вещам добав-

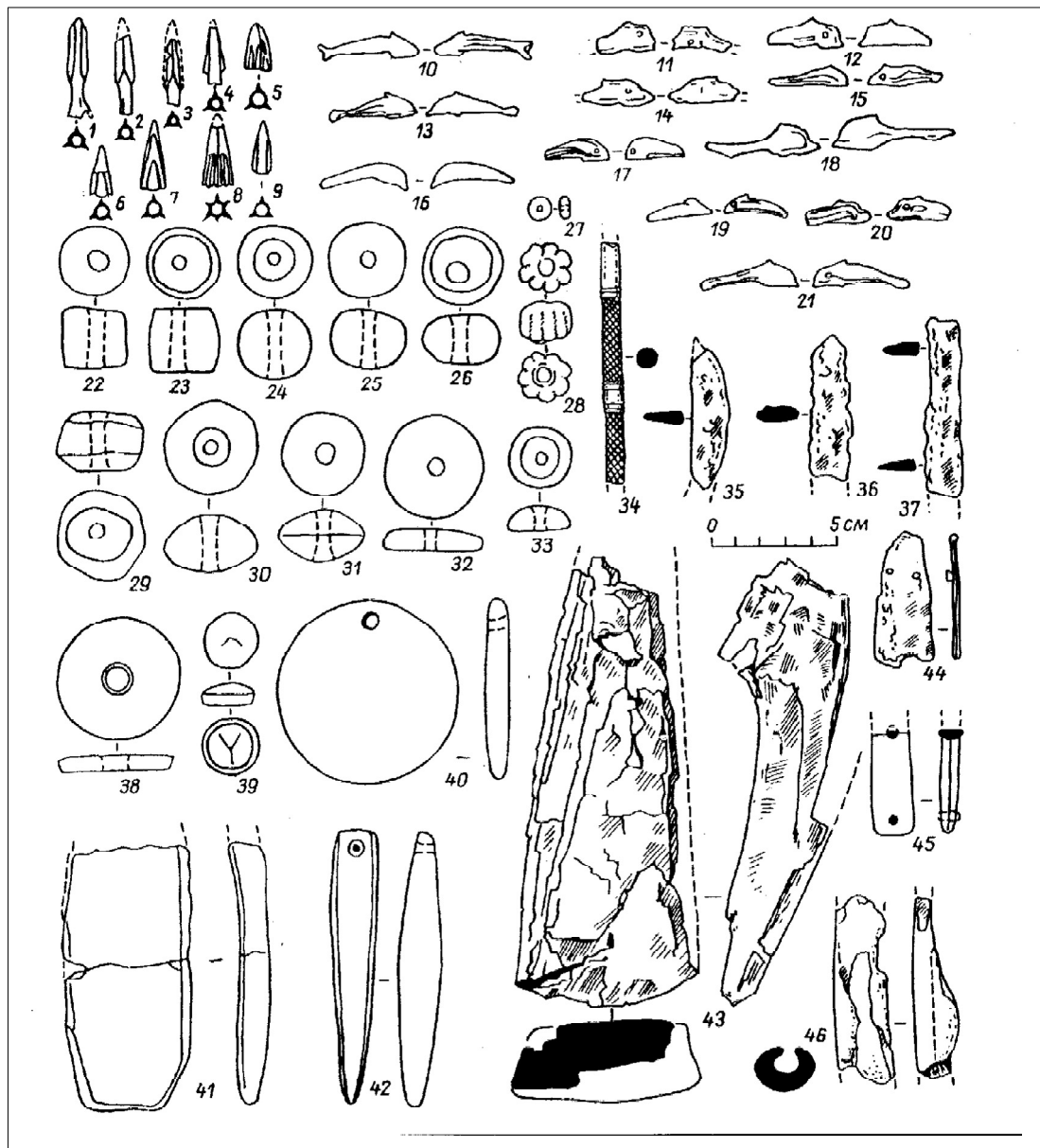

Рис. 14. Поселение Старая Богдановка 2. Изделия из железа, бронзы, свинца, кости, камня, глины и керамики.

ляются изделия, выполненные из стенок амфор, это — грузила и пряслица (Рис. 14, 32). Остальные вещи, упоминаемые ниже, как по своему назначению, так и по материалу, из которого они изготовлены, также весьма разнообразны.

Грузилами и пряслицами из амфорных обломков не ограничивается перечень предметов из обломков круговых сосудов. Сюда же относятся различные поделки из стенок амфор, чернолаковых, сероглиняных сосудов, о применении которых сказать что-либо определенное в настоящее время весьма затруднительно, это — так называемые намотки и, наконец, остракон из фрагмента чернолакового сосуда.

Предметы из кости: часть ручки ножа (Рис. 14, 45); обломок стержня, покрытый резным геометрическим орнаментом в виде густых пересекающихся под прямым углом прочерченных линий (Рис. 14, 34); круглая поделка со сквозным отверстием в центре (Рис. 14, 38); небольшая пронизка в виде кольца.

Предметы из разных материалов (по одной вещи): бронзовая гирица со знаками в виде букв «Щ» и «Ы» (по одной на каждой из сторон) весом в 23 г (Рис. 14, 39); свинцовое пряслице (Рис. 14, 33) и обломок терракотовой статуэтки

(часть ноги и кресла).

Категория вещей-украшений почти целиком исчерпывается бусами. По материалу их две небольшие группы: пастовые и стеклянные. Пастовые: маленькие бусины (Рис. 14, 27) и крупная фигурная (Рис. 14, 28). Стеклянные: фигурная и округлая, полихромная, с синими глазами и желтыми «бородавками».

Предметы вооружения. Образуют эту группу вещей только наконечники стрел (может быть, упомянутые выше железные втулки относятся к данной категории вещей). Все наконечники бронзовые, за исключением одного, железного (Рис. 14, 3), все трехлопастные, большинство базисные, шесть экземпляров с более или менее длинной втулкой, два опорно-втульчатые (Рис. 14, 1-9). Старобогдановский набор наконечников стрел датируется второй половиной VI — началом V вв. до н.э. и принадлежит второй хронологической группе этого вида вооружения (Мелюкова 1964: 21).

Завершает этот обзор вещественных материалов серия нумизматических находок поселения Старая Богдановка 2. Это 23 бронзовые монеты-рыбки, так называемые ольвийские дельфинчики, характерные для Ольвии позднеархаического времени (Рис. 14, 10-21).

Раздел 3. Общая характеристика поселения

Итак, подведем некоторые итоги нашего обозрения материалов. Создается впечатление, что типологический состав керамического комплекса поселения Старая Богдановка 2 в целом и целом аналогичен неоднократно фиксированным соответствующим комплексам позднеархаического времени в Нижнем Побужье. Впрочем, совершенно очевидно даже в первом приближении, что он все-таки несколько беднее в сравнении с тем, что дают такие центры этого района, как Ольвия и Березань.

Состав вещественных находок иных категорий также мало чем отличается от находок на других синхронных памятниках района и, пожалуй, ничем не выдает специфики Старой Богдановки.

В составе генетически неоднородной лепной керамики представлены все основные типы посуды, отмеченные ранее для Ольвии и Березани второй половины VI — начала V вв. до н.э.

Этими соображениями открывается заключительный раздел обзора материальной культуры поселения, посвященный некоторым моментам и выводам исторического характера.

Античное поселение у с. Старая Богдановка, получившее в научной литературе условное наименование Старая Богдановка 2, возникло, видимо, в третьей четверти VI в. до н.э., скорее всего, в конце этого двадцатипятилетия. Факт существования в это время Ольвии, расположенной южнее, в 14,5 км от Старой Богда-

новки 2, и целого ряда поселений на территории ольвийской сельскохозяйственной округи заставляет предполагать решающую роль Ольвийского полиса в возникновении старобогдановского поселения и именно в ряду других пунктов района, т.е. в процессе формирования ольвийской хоры.

Нам уже приходилось говорить о трех строительных периодах в развитии поселения, которые в значительной мере отражают три исторических этапа его жизни. Думается, что два первых этапа, целиком укладываемые еще во вторую половину VI в. до н.э., в отношении как непосредственно строительного дела, так и всего быта поселка, очень схожи и во многом едины (разве что практически полностью исчезают круглые структуры). Те процессы, которые возникли еще на первом этапе, продолжали, возможно, существовать и сохранять свое значение и далее. С этой точки зрения, вполне вероятно, и следует оценивать хозяйственную деятельность жителей поселения во время, охватившее не менее двух третей его жизни.

Можно предположить, что основную роль в экономике Старой Богдановки 2 с момента основания этого поселения играло сельское хозяйство. Именно этот род хозяйственной деятельности, по всей видимости, во многом определял быт и облик поселка в течение первых двух-трех десятилетий его существования. Впрочем, что касается земледелия, то прямых данных на сей счет в нашем распоряжении немно-

го. Самое главное препятствие на пути изучения формы и масштабов землепользования того времени — практически полное уничтожение всех возможных следов межевания и т.п. в окрестностях поселения современной плантажной вспашкой под виноградники. Некоторые материалы прямого и косвенного характера дает лишь сама Старая Богдановка. Это прежде всего многочисленный комплекс (61 единица) различных хозяйственных ям и углублений в материке, хотя бы и частично, надо думать, использовавшихся для хранения земледельческой продукции и зерна. Очень важна, с этой же точки зрения, находка большого железного орудия для обработки земли — случай сам по себе чрезвычайно редкий для поселений архаического времени Северного Причерноморья. Как уже отмечалось выше, скорее всего это мотыга. Заметим, кстати, что мотыга была обнаружена в заполнении строительного комплекса № 15 — одной из наиболее ранних построек поселения.

О скотоводстве мы можем судить значительно полнее. За все годы раскопок на поселении было собрано более 7000 единиц костей различных животных, птиц и рыб. Подавляющее количество поддающихся определению костей коллекции — не менее 95% массива — принадлежало домашним животным. Первое место в стаде Старой Богдановки 2 — около 46% особей — занимал мелкий рогатый скот — овцы и козы; второе по численности место принадлежало крупному рогатому скоту, прежде всего быкам — около 36% особей; на третьем месте — около 10% особей — находилась свинья, и лишь на четвертом — около 8% особей — лошадь. Весьма разнообразны и многочисленны на поселении были собаки.

Судя по этим же данным остеологических остатков, лишь около 14% крупных домашних животных и не более 25% коз и овец погибало (забивалось) молодыми, т.е. в возрасте до двух лет, что определенно свидетельствует в пользу хорошо развитой кормовой базы, с одной стороны, и, возможно, не мясной по преимуществу направленности скотоводства на поселении, с другой. Данное обстоятельство, как, впрочем, и относительно большой процент взрослых особей крупного рогатого скота в стаде, создают впечатление, что животных жители поселения Старая Богдановка 2 разводили и использовали прежде всего и главным образом для получения шерсти, молока и как тягловую силу.

Среди относительно немногочисленных остатков диких животных выделены кости кабана, сайги, зайца-русака и, возможно, кулана; отмечено присутствие костей различных птиц. Небольшое количество костей диких животных явно указывает на весьма скромную роль, которую играла охота в пополнении мясного рациона жителей поселения.

Несомненно, жители Старой Богдановки 2 занимались рыболовством: грузила от ставных сетей из различных материалов довольно хорошо представлены в вещественном комплексе поселения. Судя по остеологическим материалам, объектами рыбной ловли были главным образом осетровые, карп и сом, т.е. рыбы промысловые.

О ремесленных занятиях в Старой Богдановке 2 можно высказать лишь некоторые, весьма осторожные предположения. Очевидно, существовало прядение (судя по находкам весьма многочисленных пряслиц). Керамическое производство, но только в части изготовления в домашних условиях лепной посуды, как будто подтверждается зафиксированными в культурном слое и заполнении некоторых комплексов кусочками глиняных шлаков. Следует признать все же, что таких следов крайне мало. Подобное же суждение может быть высказано и о металлургическом деле — встречен всего один невыразительный обломок литейной формы. Правда, к нему можно добавить еще одну литейную форму, найденную среди подъемного материала в окрестностях памятника, но это и все.

По-видимому, сами жители поселения производили некоторые, если так можно выразиться, вторичные изделия и поделки, например, из обломков той же керамики — грузила, пряслица, «намотки» и т.п. Несомненно также, осуществлялись различные операции с легкодоступным сырьем, скажем, камнем.

Вернемся, однако, к керамическому комплексу поселения. Совершенно очевидно, что его большая часть — это привозные вещи. Таковыми была амфорная тара, аттические и ионийские сосуды, да и подавляющая часть (если не вся) круговой простой и кухонной посуды. Представляется более чем вероятным, что эти вещи попадали сюда, на поселение, из Ольвии, как импортированные этим городом, так и произведенные там на месте. Таким же, по-видимому, был путь и большинства некерамических изделий.

Скорее всего, не только к торговле сводились связи поселения с Ольвией. Вещи поступали сюда не только в виде товара, но прибывали с людьми, приехавшими из города и здесь поселившимися или же жившими в Ольвии, но владевшими чем-то в поселке. Это было неизбежно, поскольку буквально все развитие Старой Богдановки, и прежде всего всемерное расширение и совершенствование ее строительного дела, чрезвычайно схожи с изменениями, хорошо зафиксированными ныне в самом центре полиса — Ольвии и на Березани. Думается, сомневаться в такой ситуации в настоящее время не приходится. Многообразные и теснейшие связи — культурные, хозяйственные и, вполне возможно, политические в подобном случае были неизбежны — это контакты сто-

рон, входивших в единый экономический организм. Поселение поставляло городу продукты своего труда, и мы можем предполагать, что это была продукция сельского хозяйства.

Очевидно, так продолжалось приблизительно до рубежа VI — V вв. до н.э. В это время происходит серьезная и, вероятно, одноразовая перестройка сооружений всего поселения, превратившегося в комплекс сырцово-каменных строений, окруженных каменными же вымостками. Можно предполагать, что те тенденции и силы, которые зародились еще в первые периоды существования поселения, его прямая и теснейшая связь с Ольвией, привели к качественному изменению и некоторых, в том числе экономических, функций Старой Богдановки 2, одним из свидетельств чего явилось полное исчезновение хозяйственных ям на ее территории. С другой стороны, помимо монументального, скорее всего, культового сооружения на его юго-восточной окраине, в районе, вероятно, специально отведенном для этого, возникает огромное наземное здание, несомненно, особого, но никак не жилого назначения — строительный комплекс № 14.

Чтобы в полной мере оценить значение данной трансформации Старой Богдановки 2, следует, по-видимому, учитывать тот факт, что этот пункт был одним из наиболее северных, крайним местом обитания жителей ольвийской округи, и одновременно, быть может, своеобразным форпостом Ольвии. Вместе с тем, хорошо известно, что поблизости от этого поселения, чуть южнее его, на расстоянии от нескольких сот метров до 1,0 — 1,5 км. существовало тогда же более десятка мелких населенных пунктов. Все сказанное позволяет набросать следующую, разумеется, чисто гипотетическую картину сложившейся ситуации.

Есть веские основания полагать, что в рассматриваемый период в Нижнем Побужье в целом начинает возникать беспокойная обстановка, обусловленная развитием общей ситуации в Скифии, обстановка, естественным образом затрагивавшая прежде всего наиболее северные районы Нижнего Побужья (Марченко 1979: 136; Виноградов 1980: 107). Как мож-

но догадываться, и Старая Богдановка 2, и Ольвия попытались приспособиться к новым условиям. В результате на поселении теряются какие-то элементы хозяйствования и возникают новые качества, обязанности, в том числе и по отношению к окружающему населению. Поселение превращается в общественный и культовый центр ближайшей округи. Одновременно он приобретает функцию убежища для местных жителей и их скота, для чего, по-видимому, возводится комплекс № 14. С другой стороны, соседние относительно небольшие пункты как бы перенимают некоторые хозяйственные функции Старой Богдановки 2, и на их территории начинают действовать огромные специализированные зернохранилища (Отрешко 1980: 317).

В сложившейся новой обстановке старобогдановское поселение достаточно устойчиво существует почти всю первую четверть V в. до н.э. В конце этого периода жизнь на территории Старой Богдановки 2 временно прекращается. Впрочем, следов внезапной и быстрой гибели этого памятника не обнаружено. Очевидно, жители имели возможность покинуть обжитые места в достаточно спокойной обстановке. Причиной тому могла стать все углубляющаяся тревожная ситуация в этом районе. Собственное убежище уже не могло гарантировать безопасность ни самих «старобогдановцев», ни окрестного сельскохозяйственного населения. Вместе с концом Старой Богдановки 2 замирает жизнь и на подавляющем большинстве близкорасположенных поселений ольвийской округи.

Первые признаки возрождения оседлой жизнедеятельности в этом районе приходятся на последнюю треть V в. до н.э. Именно в это время на ранее покинутой территории поселения Старая Богдановка 2 выкапывается новая огромная землянка — комплекс № 24, — сооружение которой призвано было, по всей видимости, вновь возродить особую роль этого населенного пункта в хозяйственной, культурной и, быть может, религиозной сферах деятельности населения Нижнего Побужья классического периода.

Глава 2.

Античное поселение Куцуруб 1

Раздел 1. Строительные комплексы

Вторым памятником Нижнего Побужья архаического времени, облик и материальная культура которого могут быть представлены в настоящее время с достаточной полнотой, является, несомненно, поселение получившее условное название Куцуруб 1 (Крижицкий, Бураков, Буйских, Отрешко, Рубан 1980: карта, № 46). Указанный памятник был основным объектом исследований Нижнебугской античной экспедиции ЛОИА АН СССР в 1980, 1981 и 1984 гг. (Марченко, Доманский 1986: 42 сл.; Марченко, Соловьев 1988: 49 сл.; Марченко, Доманский 1991: 57 сл.). В результате этих исследований здесь была раскрыта площадь, равная 2180 кв. м. Расположение отдельных раскопов относительно друг друга, уровень сохранности поселения в целом дают возможность считать полевые исследования в основном завершенными.

Поселение Куцуруб 1 расположено на восточной окраине села Куцуруб Очаковского района Николаевской области, в 20 км к юго-западу от Ольвии и в 7,5 км к северо-востоку от г. Очакова. Территория поселения занимает приустьевый мыс, образованный крутым восточным склоном древней балки и высоким, быстро разрушающимся берегом Днепровского лимана (Рис. 15). Значительная часть памятника уже погибла в результате береговых оползней. Сохранившийся участок имеет протяженность по береговому обрыву, с запада на восток, около 200 м, в глубину плато — до 125 м. Вся территория до недавнего времени полностью находилась, а северо-западная треть находится и до сих пор в зоне интенсивной строительной и хозяйственной деятельности людей, оставившей после себя развалины усадеб, разного рода заплывшие ямы, отчетливые следы огородов и виноградников, оплывшие окопы и щели времен Отечественной войны.

В результате позднейшей строительной и хозяйственной деятельности людей — многолетней копки и распашки современных огородов и виноградников — исторически сложившаяся «естественная» стратиграфия культурных напластований поселения оказалась практически полностью уничтоженной. Нетронутыми остались лишь небольшие участки в пределах бывших дворов отдельных усадеб. Тем не менее, есть все основания полагать, что первоначальная мощность культурного слоя памятника нигде не превышала 0,5-0,7 м и имела четко выраженную тенденцию к выклиниванию в западном направлении, т.е. в сторону древней балки.

Как уже отмечалось выше, за все годы работ на поселении Куцуруб 1 была раскрыта площадь, равная 2180 кв. м. Исследованию подверглись семь береговых участков — раскопы I-VII. На шести участках (раскопы I-III, V-VII) выявлены остатки 38 строительных комплексов и большая серия (всего 140 единиц) ям двух периодов существования поселения, а именно второй половины VI — первой четверти V вв. до н.э. — первый период, и последней трети V — начала III вв. до н.э. — второй период (Рис. 16; 17). На основании датировок греческой импортной керамики большинство открытых сооружений — 19 строительных комплексов (№ 1-3, 10-14, 16-19, 23, 26, 28-32) и 65 ям — может быть надежно отнесено к первому из указанных периодов, т.е. к позднеархаическому времени. Еще один строительный комплекс — № 9 — отнесен к этому же времени в силу его типологического сходства с хорошо датированными строениями. Десять строительных комплексов — № 4, 5, 8, 15 и 33-38, — а также 75 ям функционировали позднее, т.е. во втором периоде. Остатки семи последних комплексов — № 6, 7, 20, 21, 24, 25 и 27 — из-за крайне плохой сохранности или недостаточной изученности пока не могут быть четко интерпретированы и в настоящей работе специально не рассматриваются.

Как представляется, количество строительных комплексов второй половины VI — первой четверти V вв. до н.э. поселения Куцуруб 1, их расположение на территории этого памятника и относительно друг друга позволяет считать нашу выборку вполне репрезентативной.

В конструктивном отношении подавляющее большинство — 19 единиц — строительных комплексов позднеархаического периода существования поселения Куцуруб 1 принадлежит к одному типу круглых однокамерных заглубленных в землю структур. Размеры отдельных построек этого типа заметно варьируют. Как установлено, впрочем, амплитуда колебания площадей строений (14 единиц из 20-ти) сравнительно невелика — от 7,5 кв. м до 12,0 кв. м; три комплекса нашей выборки — № 14, 17, 32 — отличались крайне небольшими размерами — от 4,0 кв. м до 6,0 кв. м, а три других — № 29, 1 и 9 — имели площадь равную 16,5, 18,0 и 25,0 кв. м соответственно.

Существенные различия строительных комплексов описываемого типа фиксируются и в степени их заглубленности в землю, причем эта заглубленность, по всей видимости, прямо не коррелировала с размерами построек. Как бы

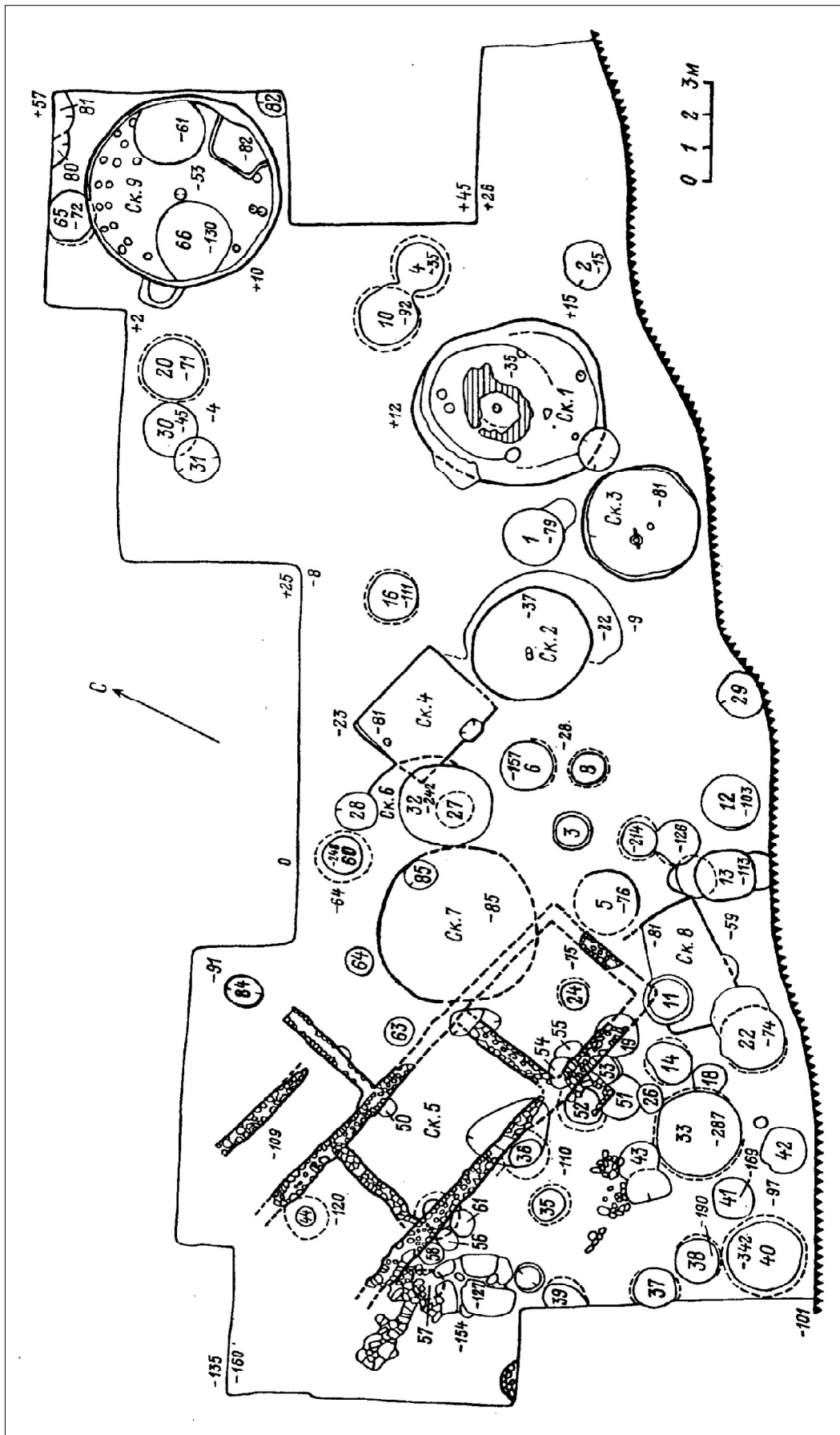

Рис. 16. Поселение Кучуруб 1. Раскол 1. План.

Рис. 18. Поселение Куцуруб 1. Строительный комплекс № 1.

там ни было, данное обстоятельство позволяет, на наш взгляд, выделить в составе этого типа как минимум два варианта сооружений: строения, впущенные в материк на глубину от 0,2 до 0,6 м, при которой большая часть стенок должна была возвышаться над поверхностью, условно называемые далее в тексте работы полуземлянками, — строительные комплексы № 1, 2, 11, 12, 14, 17, 22, 23, 26, 28, 29, 31, 32 (Рис. 18), и строения, пол, которых находился на глубине от 0,7 до 1,4 м от уровня синхронной поверхности, так называемые землянки — строительные комплексы № 3, 9, 10, 13, 16, 18, 30 (Рис. 19).

Борта котлованов всех наиболее сохранившихся землянок и полуземлянок поселения ровные, почти вертикальные, без видимых остатков штукатурки и т.п. Пол большинства построек материковый, иногда (строительные комплексы № 9, 10, 14, 16, 18, 26 и 30) со следами явной утоптанности и глиняными промазками. Помимо этих, только что упомянутых, характерных признаков, комплексы этого типа объединяет отсутствие в них каких-либо остатков постоянных печей или очагов для обогрева помещения и варки пищи.

В шестнадцать из двадцати строительных комплексов позднеархаического времени существования поселения обнаружены весьма немногочисленные следы внутренних конструкций, хозяйственные углубления и детали интерьера в виде небольших конических ямок от опорных столбов, разного рода ям, ниши в борту котлована, материкового останца и сырцово-глиняных сооружений, позволяющих выска-

зать ряд дополнительных замечаний об облике данного типа построек.

Эти наблюдения дают возможность полагать, что большинство комплексов (землянок и полуземлянок) имело центральный опорный столб, поддерживавший, по-видимому, шатровое перекрытие. В ряде случаев (комплексы № 1, 9, 14, 16, 18 и 30) центральный опорный столб дополнялся еще несколькими, расположенными как по периметру котлована, так и в его различных частях, что как будто может служить указанием на каркасно-столбовую конструкцию стен, по крайней мере, у некоторых из построек.

В пяти строительных комплексах в полу было обнаружено по одному хозяйственному углублению. В четырех случаях (строительные комплексы № 22, 23, 26 и 32) ими оказались круглые в плане и глубокие (от 0,8 до 2,0 м) ямы грушевидной формы, расположенные у одного из бортов котлована; в пятом (землянка № 9) — небольшое подчетыреугольное углубление площадью в 2,0 кв. м у восточного борта котлована. В верхней части южного края котлована полуземлянки № 22 выявлена четырехугольная выемка (0,4 × 0,5 × 0,25 м — глубина) с небольшой конической ямкой от опорного столба. Всю северо-восточную треть площади строительного комплекса № 11 занимал высокий (до 0,4 м), но относительно узкий (около 1,0 м) материковый останец, своего рода «лежанка». В центре землянки № 16 на полу открыто невысокое (около 0,1 м) «кольцо» из сырца диаметром около 1,3 м и шириной «ленты» до 0,3 м (Рис. 19). Еще одно сходное, но

значительно хуже сохранившееся сооружение из слабообожженной глины мощностью в 0,02 м на невысокой (в 0,05 м) золистой подушке выявлено в центре полуземлянки № 1 (Рис. 18).

На этом, собственно говоря, и заканчивается перечень деталей, отмеченных при раскрытии круглых однокамерных заглубленных в землю относительно синхронной поверхности строительных комплексов (землянок и полуземлянок) поселения Куцуруб 1 позднеархаического времени. К сказанному остается лишь добавить, что вещественные находки *in situ* были обнаружены только в двух из двадцати построек этого типа. Ими оказались: нижняя часть амфоры протофасосского типа, вкопанная в центр пола землянки № 3, содержащая 8 небольших круглых поделок из амфорных стенок, возможно, культового назначения, и около 40 мелких обломков керамики второй половины VI в. до н.э., найденных между отдельными глиняными промазками пола землянки № 10.

Последний из строительных комплексов позднеархаического времени поселения Куцуруб 1 — № 19 — существенно отличается от вышеописанных прежде всего своей формой. Судя по сохранившимся остаткам, это — подпрямоугольная в плане врезанная в материк на 0,5 — 0,7 м полуземлянка со сторонами 4,2 × 5,1 м и площадью около 21,0 кв. м. Весьма существенно отметить также и то, что указанная полуземлянка состояла, по всей видимости, из двух разнофункциональных частей — центральной и периферийной. Центральная, наиболее заглубленная часть комплекса — круглое в плане помещение площадью около 8,0

кв. м, совершенно аналогичное остальным постройкам второй половины VI — первой четверти V вв. до н.э. нашей выборки. В центре этого помещения и вдоль его материкового борта, в полу, носившем четкие следы глиняных промазок мощностью около 0,01 м, выявлено 6 небольших (глубина до 0,25 м, диаметр от 0,1 до 0,25 м) конусовидных ямок от опорных бортов перекрытия. Основание центрального столба оказалось укрепленным камнями известняка.

Еще несколько — 17 единиц — подобных же ямок от опорных столбов зафиксировано вдоль материковых бортов четырехугольной, периферийной, части этого же комплекса, что в целом дает некоторые основания предполагать каркасно-столбовую конструкцию его внешних стен. В северо-западном углу периферийной части, на невысоком (около 0,2 м) материковом останце — своего рода «столике» четырехугольной формы (размеры останца — 0,4 × 0,5 м) обнаружено *in situ* покрытие из стенок специально раздавленной амфоры. В юго-западном и юго-восточном углах этой же части комплекса раскрыты две хорошо сохранившиеся грушевидные ямы для сброса золы (№ 89 и 95). Размеры ям: диаметры устья — 0,5 и 0,6 м, диаметры плоского дна — 1,1 и 0,9 м, глубина — 1,4 и 1,0 м. Рядом с ямой № 89, частично перекрыв ее горловину, лежала необработанная известняковая плита, служившая, по-видимому, ее крышкой. Третья яма — № 90 — такой же формы (0,65 × 1,0 × 0,8 м — глубина), но, скорее всего, иного хозяйственного назначения, открыта в южной половине котлована, на

Рис. 19. Поселение Куцуруб 1. Строительный комплекс № 16.

границе центральной и периферийной частей комплекса.

Как уже отмечалось выше, в процессе исследования поселения Куцуруб 1 в пределах площади раскопов I-III, V-VII было выявлено 65 вырытых в материке ям позднеархаического времени различного назначения. Семь ям из этой серии — № 89, 90, 94, 95, 99, 105 и 130 — структурно связаны со строительными комплексами № 19, 22, 23, 26 и 32. Из 58 оставшихся объектов такого рода — № 2, 3, 7, 8, 10, 16, 22, 45-48, 67-70, 72-78, 83, 86, 88, 91, 93, 97, 98, 100, 102-104, 107-123, 124-126, 132, 133, 135 (Рис. 16, 17) — 57 единиц раскрыто полностью. Недоисследованной осталась лишь одна яма — № 109, — большая часть которой выходила за пределы изученной площади раскопа.

Подавляющее большинство ям позднеархаического периода существования поселения, несомненно, принадлежало к хорошо известному в Северном Причерноморье и Нижнем Побужье античного времени типу круглых грушевидных в вертикальном сечении с плоским дном и весьма небольшой амплитудой глубин — от 0,6 до 1,5 м. Только четыре ямы нашей серии — № 32, 46, 47, 102 — имели значительно большие размеры: глубину от 1,8 м до 2,6 м и диаметр дна от 2,5 до 3,0 м. Гораздо реже речь может идти об иной — цилиндрической или овальной — форме вместилищ (ямы № 77, 86, 91, 102, 104, 116, 124, 132, 133 и 135). В последнем случае глубина ям, как правило, сравнительно невелика: от 0,2 до 0,8 м.

Безотносительно к форме и размерам ни у одного из открытых сооружений подобного рода не отмечено следов специальных обмазок стен или днищ. Не зафиксировано пока и каких-либо закономерностей в их расположении относительно друг друга и выявленных строительных комплексов поселения позднеархаического времени. Ко всему вышесказанному остается лишь добавить, что ни в одной из ям второй половины VI — первой четверти V вв. до н.э. не было обнаружено материала, дающего безусловные основания для определения их изначальной функции.

Непродолжительность существования большинства комплексов поселения Куцуруб 1 позднеархаического времени, отсутствие в них достаточно узко датированных вещественных находок крайне затрудняет в подавляющем большинстве случаев надежное определение относительной хронологии отдельных объектов. Полностью отсутствуют возможности установления последовательности смены одних строительных комплексов другими и на основании стратиграфических данных, поскольку ни одна из до сих пор выявленных на поселении структур второй половины VI — первой четверти V вв. до н.э. не пререзает другую: все они с более или менее одинаковой плотностью расположены на территории памятника. Относитель-

но узкие датировки возможны лишь в исключительных случаях. Так, следует думать, что большая часть землянок, т.е. сильно заглубленных в землю структур, а именно: № 10, 16, 18 и, весьма вероятно, № 3 и 30 функционировали только в пределах VI в. до н.э. К этому же времени, т.е. ко второй половине — концу VI в. до н.э., можно, по всей видимости, отнести и полуземлянку № 1. Весьма вероятным временем существования и гибели полуземлянок № 12, 19, 22, 26 и 29 было начало-первая четверть V в. до н.э.

Если указанные относительно узкие даты отдельных строительных комплексов верны, то вполне вероятно, что здесь, на территории поселения Куцуруб 1, одновременно существовали как типично земляночные строения, так и полуземлянки. Вместе с тем, эти же данные создают впечатление постепенного роста во времени удельного веса полуземлянок, ставших в первой четверти V в. до н.э., т.е. в финальной части позднеархаического периода существования поселения, быть может, его основным видом жилых и хозяйственных построек. Весьма примечательно, с нашей точки зрения, и то, что единственный строительный комплекс более сложной конструкции — четырехугольная полуземлянка № 19 — появляется также в конце этого периода. Сам факт возникновения здесь более сложной, развитой структуры, как, впрочем, и вполне вероятный постепенный переход от создания сильно заглубленных структур к полуземлянкам, может быть истолкован как показатель некоторого, пусть даже весьма небольшого, изменения в строительном деле жителей поселения Куцуруб 1 позднеархаического времени.

Определение функционального назначения конкретных строительных комплексов второй половины VI — первой четверти V вв. до н.э. и, прежде всего, возможность их отнесения к жилым постройкам, к сожалению, сопряжено с почти непреодолимыми трудностями — совершенно очевидным недостатком диагностирующей информации — и поэтому во многом условно. Указанное обстоятельство объясняется, главным образом, отсутствием в пределах комплексов следов постоянных или временных очагов или печей, бытовых «столиков» — площадок в виде четырехугольных останцов материка, глинобитных загородок, выкладок из камня, кухонной и бытовой керамики *in situ* и т.д., — т.е. всего того, что, как установлено нами ранее, более или менее характерно именно для жилых сооружений Нижнего Побужья позднеархаического времени. Совершенно недостаточным в этом же отношении являются и отмеченные выше различия архитектурно-планировочных схем отдельных построек поселения. В первом приближении можно думать, что круглые землянки и полуземлянки, практически безраздельно господствовавшие на терри-

тории поселка в течение всего позднеархаического периода его существования, в равной степени могли использоваться и как жилые, и как чисто хозяйственные комплексы.

Несколько иное впечатление производит в этом смысле единственное исключение из правила — строительный комплекс № 19, с его более сложной, развитой и одновременно, как кажется, весьма показательной внутренней планировкой. В данном случае, очевидно, имеются более или менее надежные основания для выделения в его пределах сразу двух разнофункциональных зон — центральной, круглой, однокамерной, наиболее глубокой, с четкими следами глиняных промазок пола — явно жилой; и периферийной, с зольными ямами и четырехугольным материковым останцом — в основном хозяйственной.

Анализ этого комплекса, несомненно, генетически связанного с основным типом строений поселения позднеархаического времени, дает некоторые основания полагать, что круглые однокамерные постройки с глинобитными полами, шатровым перекрытием и каркасно-столбовой конструкцией стен вполне могли использоваться как жилые. Если данный вывод оправдан, то к такой категории строений в нашей выборке в принципе можно причислить прежде всего строительные комплексы № 1, 9, 10, 14, 16, 18, 30 и, не исключено, 26. К этой же категории построек, вероятно, могут быть отнесены и комплексы, в пределах площади которых обнаружены такие явно мало уместные для чисто хозяйственных сооружений «детали интерьера» как вкопанная в пол нижняя часть амфоры с небольшими круглыми поделками из стенок амфор, возможно, культового назначения, и материковая «лежанка». Таким образом, к семи-восьми ранее названным постройкам-жилищам можно добавить как минимум еще две — № 3 и 11.

Все сказанное выше отнюдь не означает, что сооружения, отнесенные нами прежде всего к категории жилых, не могли использоваться их обитателями одновременно и в совершенно иных целях, например, тех же хозяйственных и культовых. На это, помимо крайнего примитивизма (лучше сказать, однообразия) куцурубских построек позднеархаического времени, вполне определенно указывает, в частности, и находка в одном из таких комплексов — № 3 — нижней части амфоры с круглыми поделками. Сходное впечатление землянки, в которой могли происходить какие-то религиозные действия, производит и комплекс № 16 с глинобитным кольцом на полу, весьма напоминающим круглый алтарь землянки № 2 другого поселения Нижнего Побужья этого же времени — Старой Богдановки 2 (см. выше). Следует заметить все же, что все эти немногочисленные свидетельства отправления какого-то культа имеют скорее всего вид сугубо домаш-

него (частного) свойства. Специальных же сооружений общественного и культового назначения на поселении Куцуруб 1, по всей видимости, не существовало. Впрочем, одно исключение из правила, возможно, все-таки было. Речь идет о небольшом зольнике, обнаруженном в пределах площади одного из обычных строительных комплексов памятника — полуземлянки № 1 (см. Марченко, Доманский 1983: 37 сл.).

Судя по совокупности стратиграфических данных, характеру заполнения и датировкам импортной греческой керамики, указанная полуземлянка перестала функционировать еще в конце VI в. до н.э., а ее площадь в дальнейшем, вплоть до конца первой четверти следующего столетия, стала использоваться исключительно в культовых целях.

В центре неглубокого (около 0,5 м) котлована полуземлянки на невысокой (около 0,05 м) золистой подушке с включениями мелких обломков керамики позднеархаического времени, по всей видимости, очень скоро после гибели комплекса был сооружен жертвенник, от которого *in situ* сохранился лишь большой кольцеобразный слабообожженный под мощностью около 0,02 м. В процессе функционирования жертвенника, а затем и по мере сброса сюда, в полуземлянку, древесной золы и мусора над подом образовался золистый холм. Точные размеры последнего не устанавливаются: к моменту раскрытия зольное всхолмление сильно расплылось, почти повсеместно дойдя до бортов котлована. Наибольшая мощность зольника в настоящее время, приходящаяся на центральную часть комплекса, достигала 0,6 м. Структура насыпи слоистая, что с очевидностью указывает на многократность подсыпок.

Разборка насыпи зольника дала весьма обильный и разнообразный вещественный материал, носивший, как правило, на своей поверхности явные следы воздействия огня, в том числе 1020 обломков керамики, 178 костей животных и 3 рыбьих косточки. Здесь же, в центральной части котлована, над подом жертвенника, обнаружен развал обожженных кусков глиняной обмазки каких-то стенок (печина?). Вообще следует отметить, что насыщенность находками зольника оказалась значительно большей, чем окружающего его культурного слоя.

Статистическая оценка удельных весов отдельных составляющих указанного массива позволила тем не менее установить картину, в общем, чрезвычайно близкую для обычных культурных напластований поселения Куцуруб 1 второй половины VI — первой четверти V вв. до н.э. (см. ниже). Качественный анализ материалов зольника также показывает наличие в них практически всех основных видов находок, известных на памятнике этого времени. Равным образом обычным для поселения оказался и видовой состав животных, кости которых по тем

или иным причинам оказались в насыпи зольника. Наиболее важным, по существу определяющим функцию описываемого объекта, явилось присутствие среди находок предметов безусловно культового назначения. Сразу же заметим, что все они, во-первых, были обнаружены в центральной части зольной насыпи, над подом жертвенника, и, во-вторых, находки изделий аналогичного облика за пределами самого зольника, в культурных напластованиях поселения, единичны или просто отсутствуют. В их числе в первую очередь следует назвать небольшую антропоморфную статуэтку из светло-серой тщательно отмученной и хорошо обожженной глины высотой около 0,05 м (Марченко, Доманский 1983: 39, рис.2, 1). Изображение божка (?) выполнено в крайне условной манере — в виде «болванчика» с несколько приплюснутой с затылка головой, чуть намеченной шеей и короткими коническими выступами-руками на круглом удлинённом теле. На плоском лице идола острым инструментом нанесены глаза-наколы и выделен длинный, узкий нос; в верхней части тела, у правой руки, опять-таки острым предметом сделан глубокий накол.

Следующими по значению предметами явно культового назначения из зольника следует считать шесть маленьких (от 0,01 × 0,015 м до 0,015 × 0,025 м), несомненно, вотивных «хлебцев» различной форм, изготовленных из хорошо отмученной глины с растительной примесью. Заметим также, что находки подобных «хлебцев» на античных памятниках крайне редки. Здесь же, в зольнике поселения Куцуруб 1, обнаружено 17 круглых и уплощенных камней-голышей тех же размеров, что и вышеупомянутые «хлебцы», одна небольшая каменная плитка и две поделки в виде так называемых намоток из стенок чернолаковых аттических сосудов.

На этом, собственно, и можно закончить описание материалов нашего зольника. Сопоставление этого комплекса с кругом аналогичных зольников Северного Причерноморья (См.: Шрамко 1957: 178 сл.; Кругликова 1976: 65-68) позволяет, как кажется, отнести его к числу памятников местного, т.е. не греческого, а варварского, земледельческого культа, равно связанного с культом огня и домашнего очага.

Описание и интерпретация строительных и хозяйственных комплексов позднеархаического периода существования поселения Старая Богдановка 1 позволяет сделать некоторые выводы, имеющие отношение к исторической судьбе памятника в целом и его месту в системе поселений античного времени Нижнего Побужья. Разумеется, как и в предыдущем случае, т.е. в отношении Старой Богдановки 2, без совершенно необходимого дополнения к этому описанию в виде анализа вещественных материалов памятника такие выводы будут иметь

ограниченный характер. Тем не менее попытаемся сформулировать те положения, которые непосредственно вытекают из рассмотрения строительных и хозяйственных комплексов поселения.

В чисто археологическом выражении поселение Куцуруб 1 принадлежит к категории двуслойных памятников, перекрытых к тому же по большей части сравнительно недавними и вполне современными остатками строительной и хозяйственной деятельности людей. Несмотря на практически полное разрушение всей свиты культурных напластований античной эпохи, памятник все же характеризует довольно-таки хорошая сохранность целой серии сооружений позднеархаического периода, позволяющая достаточно полно представить себе внешний облик и характер построек этого времени.

Есть все основания полагать, что Куцуруб 1 принадлежит к числу памятников, чье возникновение и дальнейшая судьба теснейшим образом были связаны с историей возникновения и развития в Нижнем Побужье Ольвийского полиса. В пользу такого заключения, помимо почти полного совпадения хронологических границ отдельных периодов функционирования этого поселения с периодами расцвета строительной и хозяйственной деятельности на сельскохозяйственной округе Ольвии, бесспорно говорит и сам облик бытовавших здесь построек, — круглых однокамерных более или менее заглубленных в землю структур позднеархаического времени, находящих прямые и многочисленные аналогии среди синхронных материалов Ольвии, Березани и целого ряда сравнительно небольших, по преимуществу сельскохозяйственных поселений Нижнего Побужья (см. Крыжицкий, Русяева 1978: 15. прим.16).

Вместе с тем, констатируемое выше единство (лучше сказать, сходство) исторических судеб поселения Куцуруб 1 и других рядовых поселений античного времени Нижнего Побужья, сходство его жилых и хозяйственных сооружений с некоторыми постройками других памятников ольвийско-березанского ареала не должны закрывать от нас и его значительного своеобразия.

Это своеобразие проявляется прежде всего в хорошо установленном факте существования здесь в течение всего позднеархаического периода практически одного типа строительных комплексов в виде круглых землянок и полуземлянок с предельно примитивной организацией внутреннего пространства. Подобное единообразие строительного дела, его явная застойность — явления прямо-таки необычные в сравнении с теми, которые до сих пор фиксировались на территории целого ряда более или менее хорошо изученных памятников Нижнего Побужья VI — первой трети V вв. до н.э., в том числе, как мы видели выше, и на Старой Богда-

новке 2, поскольку для них характерно сосуществование различных типов построек и, что особенно важно, довольно быстрая смена круглых и четырехугольных структур наземными сырцово-каменными сооружениями.

Весьма существенным с этой же точки зрения, по-видимому, является и то, что сами постройки поселения Куцуруб 1 позднеархаического времени располагались примерно с одинаковой плотностью на его территории и, как установлено, нигде не прорезали друг друга. В силу этого явно нелимитированного (экстенсивного) вида использования площади под застройку можно предполагать и отсутствие здесь достаточно жесткой (четкой) регламентации пространственных границ отдельных (парцеллярных) хозяйств, что опять-таки находится в резком диссонансе с наблюдениями, полученными при раскопках некоторых других памятников VI — первой трети V вв. до н.э. Нижнего Побужья, например, той же Старой Богдановки 2. Весьма характерным в этом же смысле, наконец, оказывается и отсутствие внутреннего районирования территории поселения.

Этим, вполне вероятно, не ограничивается число «оригинальных» черт, выделяющих Куцуруб 1 среди иных поселений ольвийской аграрной округи (укажем, например, на явно более скудный, чем обычно, «интерьер» большинства строительных комплексов позднеархаического времени), однако и сказанного достаточно, чтобы обратить на них внимание и предположить их исключительную важность. Можно думать, что по крайней мере некоторые из них и, разумеется, в первую очередь очевидная консервативность — застойность и архаичность — строительной традиции, так или иначе отражает какой-то конкретный тип социально-психологического сознания, удивительная устойчивость которого к разного рода внешним воздействиям и инновациям, совершенно неизбежным в условиях быстрого экономического и культурного развития населения Нижнего Побужья второй половины VI — первой четверти V вв. до н.э., может быть объяснена, наряду с прочим, и значительной этнокультурной монолитностью жителей Куцуруба 1 позднеархаического времени.

Раздел 2.

Комплекс вещественных находок

Как и на Старой Богдановке 2, полевые исследования второго из интересующих нас поселений аграрной округи Ольвии — Куцуруб 1 — дали весьма многочисленные и разнообразные вещественные материалы, примерно раскрывающие быт обитателей этого памятника, их повсеместные занятия, хозяйственные контакты с внешним миром. Эти же материалы, с нашей точки зрения, позволяют осветить вопросы культурной и даже отчасти этнической принадлежности значительной части жителей поселения, внося тем самым дополнительную существенную информацию в историю формирования оседлого населения Нижнего Побужья архаического времени.

Как и в предыдущем случае, перед нами стоит цель: не вдаваясь в детальный анализ и углубленное исследование абсолютно всех категорий и групп находок, дать по большей части лишь их общий обзор с непременным выяснением удельных весов отдельных групп керамического материала.

Итак, в процессе разборки культурных напластований и заполнений котлованов жилых и хозяйственных комплексов обоих периодов существования поселения Куцуруб 1 было найдено значительное количество вещественного материала, при полном преобладании керамических находок. За годы раскопок на памятнике обнаружено около 63.240 единиц фрагментов и, в очень редких случаях, археологически целых сосудов, что существенно меньше, чем при исследованиях Старой Богдановки 2. Подавляющая часть этого массива датируется

на основании греческой импортной керамики второй половиной VI — первой четвертью V вв. до н.э. Значительно меньшее количество — около 10% находок — относится к последней трети V — началу III вв. до н.э., т.е. ко второму периоду функционирования поселения.

Совершенно очевидно, что указанное обстоятельство не позволяет рассматривать весь комплекс как хронологически однородный, заставляя даже после вычленения наиболее поздних материалов с особой осторожностью рассматривать те группы вещественных находок, которые в настоящее время еще не могут быть достаточно четко отнесены к интересующему нас сейчас первому, позднеархаическому, периоду. В этих условиях основной упор в данном обзоре будет сделан на те остатки, которые были обнаружены в хронологически чистых комплексах и участках культурного слоя, что, естественно, опять-таки снижает общее число сопоставляемого со Старой Богдановкой 2 материала.

Как бы там ни было, совершенно очевидно, что керамический комплекс поселения Куцуруб 1 второй половины VI — первой четверти V вв. до н.э. состоял из античной (круговой) и местной, т.е. туземной, лепной керамики. Статистический анализ всего массива находок этого времени позволяет выявить следующую, в общем, достаточно определенную картину. На обломки греческих остродонных амфор приходится около 83,2% всех керамических находок, что в общем и целом весьма близко соответствующей цифре, полученной для поселения Старая

Богдановка 2; гораздо менее заметен в этом же комплексе удельный вес фрагментов круговой посуды всех типов — 10,5% и гораздо более значителен — целых 6,3% — лепных сосудов.

Соотношение круговой и местной лепной керамики (без учета обломков амфорной тары) выглядит как 66% к 34%. Что же касается доли импортной, главным образом ионийской и аттической (расписной и чернолаковой) посуды во всей группе круговой керамики (без учета амфор), то она составляет только около 11,2%.

Такова общая статистическая оценка всей выборки керамического комплекса поселения Куцуруб 1 позднеархаического времени в целом.

Хотя, как отмечалось, весь керамический материал (в первую очередь импортная античная посуда) интересующего нас периода жизни поселения укладывается в рамки второй половины VI — первой четверти V вв. до н.э., в нашей выборке более всего представлена последняя треть VI — начало V вв. до н.э.

Что же касается датировок керамических находок в заполнениях отдельных жилых и хозяйственных комплексов, то в этом случае наблюдаются некоторые отличия в пределах названной общей даты, отличия, обусловленные некоторой разновременностью создания и гибели тех или иных объектов, что и послужило основанием отнесения их к более узким отрезкам времени (см. выше).

Перейдем к рассмотрению конкретных групп посуды поселения Куцуруб 1. Начнем с самой обширной группы — тары. Как очевидно из приведенных выше цифр, подавляющее место в комплексе занимают обломки амфор. Совершенно ясно, однако, что большая величина процента — 83,2 — нисколько не отражает в действительности истинное положение дел. Более соответствующую картину реального количества сосудов, предназначенных для перевозки и хранения пищевых продуктов в быту жителей Куцуруба 1, дают сведения о числе амфорных ножек. Их на поселении всего найдено 179 единиц. К этой цифре следует добавить три археологически целые амфоры, найденные в заполнении ямы № 48.

Относительно небольшое количество профилированных частей амфор позволяет все же с достаточной полнотой представить состав этой группы (См. Марченко, Доманский 1991: 58, рис.1, 1-9). Есть все основания полагать, что он в целом вполне обычен для керамических комплексов второй половины VI — первой трети V вв. до н.э. Северного Причерноморья вообще и комплексов этого же времени Нижнего Побужья в частности. Единственным представителем более раннего периода в группе оказался один обломок ручки амфоры с белой обмазкой, датируемой, по всей видимости, еще второй четвертью VI в. до н.э.

Наибольший удельный вес в таре поселе-

ния позднеархаического времени занимают обломки хиосских пухлогорлых амфор с окрашенными краской или оставленными в цвете глины венцами. Среди изделий Хиоса наиболее ранними следует считать единичные сосуды с так называемым воронковидным горлом. Далее, по мере сокращения количества, идут протофасосские и красноглиняные амфоры с узким стаканообразным дном, а затем уже обломки тары ионийского, самосского и лесбосского происхождения.

В числе амфор позднеархаического времени относительно редко встречаются экземпляры, снабженные разного рода знаками, нанесенными краской или прочерченными по сырой глине на горле.

Как уже отмечалось выше, крайне небольшой объем в керамическом комплексе поселения Куцуруб первого периода занимает аттическая и ионийская расписная и чернолаковая посуда.

Расписная аттическая посуда второй половины VI — первой четверти V вв. до н.э. представлена в нашей коллекции довольно ограниченным набором форм и, к сожалению, к тому же в основном небольшими фрагментами чернофигурных сосудов (см. Марченко, Доманский 1991: 63, рис.5, 1,3,4,6). Это прежде всего обломки чаш-скифосов первой четверти V в. до н.э. с изображением пальметок, плюща и женских фигур у колесницы, проработанных резьбой (выполнены в манере мастера Хаймона). К несколько более раннему времени — концу VI — началу следующего столетия, — по-видимому, может быть отнесен фрагмент чернофигурной пелики с изображением Геракла, убивающего Немейского льва. Специальный интерес, несомненно, являет собой единственный представитель высокохудожественной продукции аттических керамистов и вазописцев позднеархаического времени — обломок килика с изображением молодого атлета в медальоне, выполненным в краснофигурной технике, датируемый еще последней четвертью VI в. до н.э. (Марченко, Доманский 1991: 64, рис.6).

Несколько более представительными в группе оказались обломки простой чернолаковой посуды конца VI — первой четверти V вв. до н.э. — киликов и мисок. На доньшке одного из киликов, с внешней и внутренней стороны, нанесено граффито с бессодержательной надписью. Другие формы чернолаковых сосудов единичны.

Столь же редко на поселении встречается родосско-ионийская и ионийская полосатая керамика позднеархаического времени (Марченко, Доманский 1991: 65, рис.8, 1-4, 6).

Наиболее ранним представителем этой категории материалов, очевидно, является часть родосско-ионийского чернолакового килика с тонкой полоской пурпура на внутренней сторо-

не. К несколько более позднему времени могут относиться немногочисленные обломки ионийских полосатых киликов. Среди других форм керамики этой же группы зафиксированы миски с загнутым внутрь краем, украшенные полосками красной краски по венцу и внутренней стороне тулова, и целый гутус, покрытый черным лаком по ручке и носику.

Другие центры расписной посуды позднеархаического времени представлены единичными экземплярами (фрагментированный хитосский кубок).

Значительно более многочисленна и разнообразна по формам и назначению обычная для поселений второй половины VI — первой четверти V вв. до н.э. простая неорнаментированная сероглиняная, красноглиняная и светлоглиняная лощеная и нелощеная бытовая, столовая и кухонная керамика (Рис. 20). Кухонная посуда содержит в своем составе обломки хорошо известных типов горшков и кастрюль. В составе столовой керамики имеются фрагменты различных кувшинов, «лутериев», край чернолощеного кратера; здесь же выделены раз-

ного рода кружки, миски с загнутым внутрь краем и сероглиняный лощеный кувшин типа ойнохои. В составе бытовой керамики наиболее заметное место занимают разного рода открытые светильники; несколькими фрагментами представлены сосуды типа лекан. Назовем, наконец, также два светлоглиняных закрытых сосуда типа арибаллических лекифов, на доньшке одного из которых нанесено граффито (Рис. 20, 8).

Как уже отмечалось выше, группа лепной посуды в составе всего керамического комплекса поселения Куцуруб 1 позднеархаического времени численно менее значительна, нежели круговая, однако, без учета обломков амфорной тары, она составляет около 34% его объема. К сожалению, практически вся накопленная коллекция такого рода посуды состоит из небольших обломков, что затрудняет создание полноценной классификации группы и ее развернутую характеристику.

Не подлежит сомнению, что лепная керамика поселения Куцуруб 1 в технологическом отношении в общем и целом ничем существен-

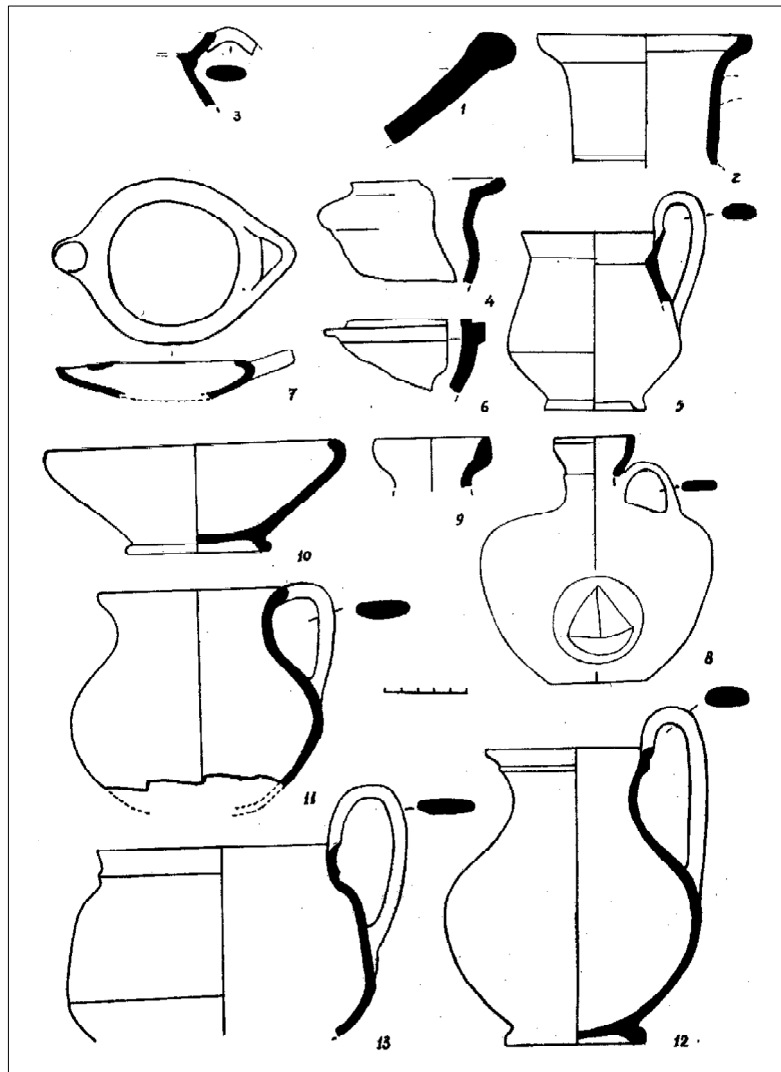

Рис. 20. Поселение Куцуруб 1. Простая сероглиняная, красноглиняная и светлоглиняная керамика.

ным не отличается от подобной же посуды, бытовавшей на варварских поселениях Северо-Западного Причерноморья в позднеархаическое время. Здесь, как и в других районах Скифии, сосуды, сработанные от руки без применения гончарного круга, выделывались из плохо отмученной глины, содержащей в качестве искусственных отощителей шамот и древесу. Весьма важной технологической и одновременно хронологической чертой рассматриваемой керамики поселения является почти полное отсутствие в ее составе сосудов с лощеной поверхностью. Все фрагменты группы носят на себе следы простого, впрочем, подчас весьма качественного заглаживания. И только в единичных случаях на отдельных изделиях такого рода, прежде всего мисках, фиксируются следы слабого лощения серого цвета.

В морфологическом отношении, по формальным отличиям, в группе могут быть выделены, по крайней мере, шесть типов. Следует сразу же подчеркнуть, что все они, будучи выделенными по крайне ограниченному количеству признаков, весьма схематичны, условны и лишь в первом приближении отражают реальное разнообразие форм лепной посуды, быто-

вавшей на поселении.

Совершенно очевидно, однако, что наиболее распространенным (около 67,3% группы) типом лепной керамики Куцуруба 1 являются горшки с более или менее отогнутым наружу заостренным, скругленным или, как вариант, плоско срезанным краем, более или менее выраженным горлом, округло выпуклыми боками и сравнительно небольшим по отношению к диаметру устья плоским дном (Рис. 21). Судя по имеющемуся в нашем распоряжении материалу, виды профилей такого рода сосудов варьировали от почти прямого края, едва намеченного горла и покатых плеч до резко отогнутого (под углом около 45 градусов и даже более) края и сильно выпуклых плеч. Соответственно с этим, несомненно, существенно отличались и соотношения основных широтных размеров изделий этого типа. Указанное обстоятельство, несмотря на отсутствие возможности практически определить действительный размах отличий и их значение для классификации, заставляет предполагать наличие в составе рассматриваемого типа как минимум двух вариантов форм — слабопрофилированных сосудов бочонковидной или близкой ей формы,

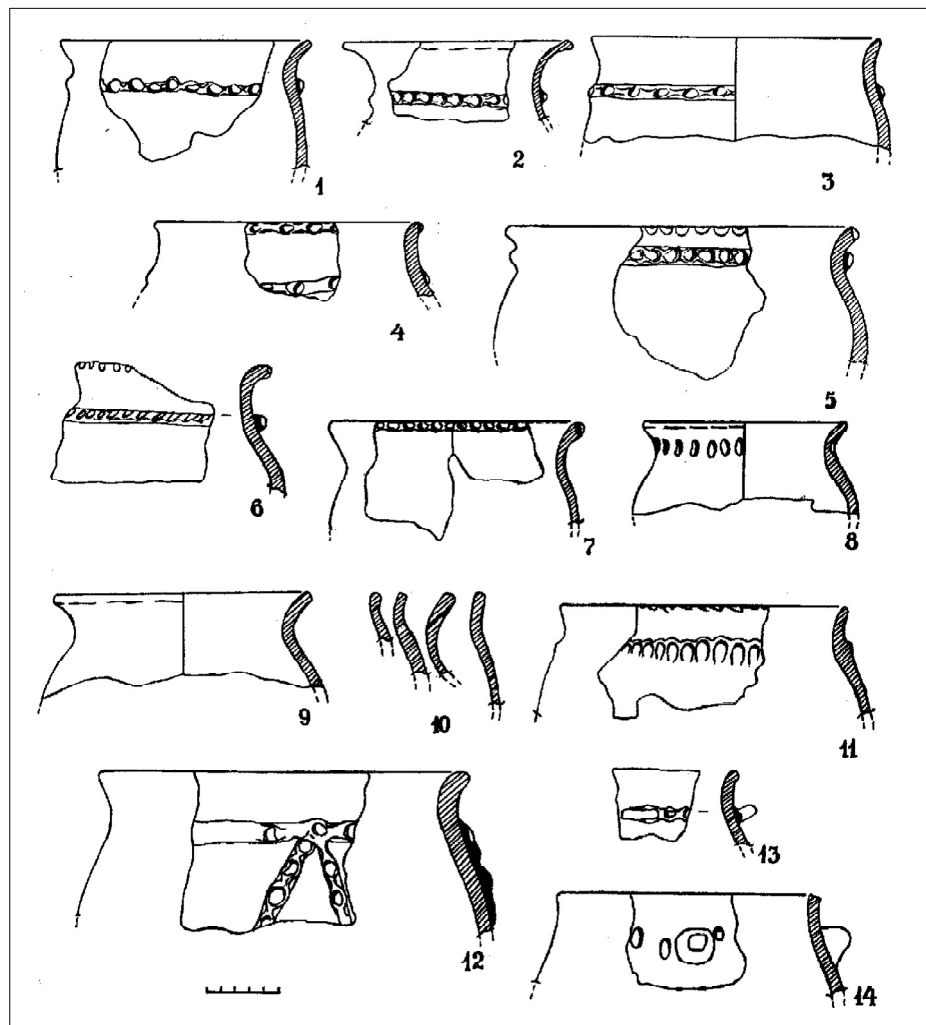

Рис. 21. Поселение Куцуруб 1. Лепная керамика.

диаметр устья которых был лишь ненамного меньше или примерно равнялся большему диаметру тулова (Рис. 21, 1, 3, 4, 11, 13, 14), и горшков с четко выраженным горлом, широкими округлыми плечами (Рис. 21, 2, 5-9).

К сказанному остается добавить, что подавляющее большинство сосудов первого типа имело в общем небольшие размеры, поскольку диаметры поддающихся измерению устьев этих изделий, как правило, не выходят за пределы 14-20 см, а толщина стенок не превышает 0,5-0,8 см. Лишь в относительно редких случаях в коллекции фиксируются экземпляры банковидных сосудов значительно более крупных габаритов — с диаметрами устьев до 25-30 см.

Не менее 78% всех сосудов первого типа орнаментировано. Наиболее распространенным видом украшений (около 41% всех обломков) являлись пальцевые вдавления, нанесенные в одну или реже две линии по горлу или краю сосуда. Почти столь же популярным на поселении Куцуруб 1 позднеархаического времени был и другой тип орнаментации керамики первого типа, а именно в виде налепного, реже оттянутого валика, моделированного пальцевыми вдавлениями или защипами, расположенного, как правило, на горле сосудов в пределах 1,8-4,5 см от края. Следует также заметить, что на горшках этого типа встречаются иногда и по два горизонтальных валика, один из которых проходит по краю, а другой по горлу или, в исключительно редких случаях, даже по наиболее широкой части тулова сосуда. Еще более редки изделия, украшенные целыми композициями из налепных валиков, образующих своего рода фестоны, спускающиеся вниз по тулову от горизонтального валика, расположенного в верхней части сосуда (Рис. 21, 12). Фиксируется, наконец, в составе керамики этого типа и сочетание из обоих только что упомянутых видов орнаментации — налепного валика и горизонтальной линии пальцевых вдавлений. В этом случае валик всегда располагается на горле сосуда, т.е. ниже линии пальцевых вдавлений. Только в двух случаях зафиксировано сочетание валика или линии пальцевых вдавлений с так называемыми ручками-упорами в виде сосковидных налепов в верхней части тулова сосудов (Рис. 21, 13, 14).

Каких-либо штампов для украшения подобного рода керамики поселения Куцуруб 1 не употреблялось.

Сопоставление сосудов первого типа с лепной керамикой различных памятников раннего железного века Северо-Западного Причерноморья позволяет прийти к выводу, что два его варианта представляют собой, скорее всего, две генетически неоднородные части. К первой, типологически и культурно связанной с материалами степных районов раннескифского времени, в том числе и Нижнего Побужья VI —

V вв. до н.э., следует прежде всего относить второй вариант сосудов — горшки с четко выраженным горлом и широкими округлыми плечами, украшенные пальцевыми вдавлениями.

Несколько более сложной оказывается интерпретация горшков и слабопрофилированных сосудов, орнаментированных валиками. Попытка сопоставления этого облика посуды первого варианта с морфологически близкой керамикой VI — начала V вв. до н.э. лесостепных районов Поднепровья и Побужья наталкивается, на наш взгляд, на непреодолимое препятствие в виде полного отсутствия на куцурубских изделиях такого характерного и широко распространенного в этих глубинных районах Северного Причерноморья приема орнаментации лепных сосудов, как сквозные проколы и наколы по краю. В силу такого различия можно предположить, что поиск более корректных аналогий указанным материалам следует вести среди соответствующих памятников более западных районов Северо-Западного Причерноморья, в зоне Карпато-Дунайского бассейна. В пользу прямой типологической и, несомненно, культурной связи значительной части керамики первого типа поселения Куцуруб 1 с посудой населения этого обширного района, бесспорно, свидетельствует и наличие в ее составе горшков с ручками-упорами и сосудов, украшенных сложными видами валиковой орнаментации.

Удельный вес второго типа лепной посуды нашего поселения существенно ниже, чем первого, — всего около 16,4%. Это — так называемые фракийские банки (Рис. 22), хорошо известные по материалам VI — V вв. до н.э. в некоторых районах степного и лесостепного Побужья и Поднепровья, но прежде всего на территории Карпато-Дунайского бассейна. Обнаружены они также и в составе лепной керамики Ольвии, Березани и некоторых правобережных сельскохозяйственных поселений их округи. От сосудов первого типа их отличают полное отсутствие сколько-нибудь выраженного горла, прямые или слегка скошенные вовнутрь в верхней части стенки, а также наличие ручек-упоров в виде конических и уплощенных налепов в верхней части тулова.

Что касается основных размеров банок, бытовавших на поселении Куцуруб 1, то можно предполагать преобладание сосудов средней величины. Во всяком случае, диаметры устьев подавляющего большинства изделий такого рода колебались в пределах от 10 до 25 см, при толщине стенок до 1,3 см. Впрочем, в составе второго типа имеется небольшое количество (около 3% экземпляров) банок и значительно более крупных размеров — с диаметром устья до 35-41 см.

Около 82% всех банок орнаментировано. Весьма примечательно, что фактически единственным видом орнаментации этих сосудов

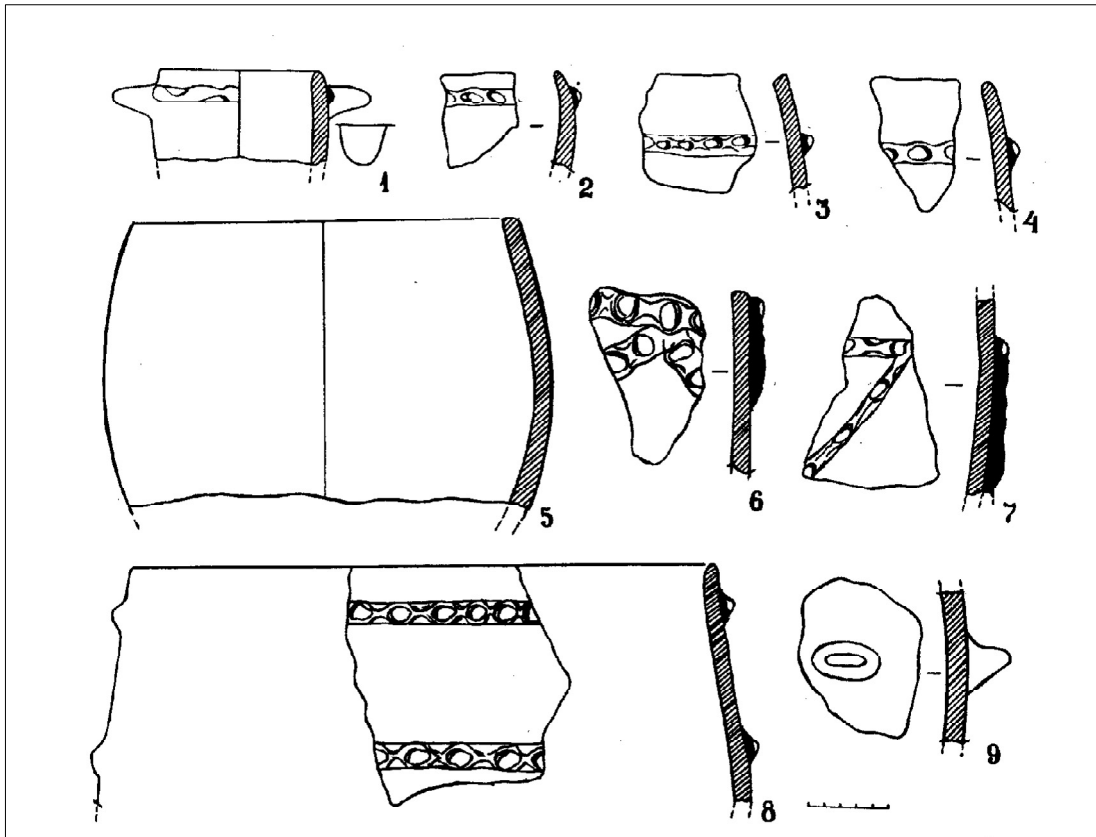

Рис. 22. Поселение Куцуруб 1. Лепная керамика.

является налепной валик, моделированный пальцевыми вдавлениями и защипами. Как правило, валик располагался в 1,5-4,5 см ниже края. В отдельных случаях банки украшались сразу двумя горизонтальными валиками, один из которых находился под краем, а другой проходил в средней части тулова (Рис. 22, 8). Помимо этого, в составе второго типа хорошо фиксируются изделия, украшенные и более сложными видами валиковой орнаментации, в виде разного рода плетенок и фестонов (Рис. 22, 6, 7). Существенно отметить, что последние виды орнаментации встречаются почти исключительно на наиболее крупных экземплярах фракийских банок.

Примерно 12,6% всего массива лепной керамики поселения Куцуруб 1 составляют обломки различных мисок. В этой группе может быть выделено сразу три отдельных типа — третий-пятый.

Наиболее распространенным (около 55% всех обломков мисок) типом керамики такого рода являются миски со сферическим туловом и чуть загнутым плоским, скругленным или заостренным краем, имеющие, как правило, хорошо заглаженную или даже подлощенную поверхность — тип третий (Рис. 23, 1, 4, 5). Определимые диаметры устьев таких мисок колеблются в пределах 17-32 см, при толщине стенок от 0,7 до 1,1 см.

Четвертый тип лепной посуды нашего поселения образуют значительно менее многочисленные миски в виде усеченного перевернутого конуса без каких-либо следов дополнительной обработки поверхности (Рис. 23, 2). Диаметры устьев сосудов этого типа колеблются в пределах 10-24 см, при толщине стенок 1,0-1,2 см.

Последний, пятый тип — миски с вертикальным скругленным краем, образующим при переходе к стенкам более или менее четкое горизонтальное ребро (Рис. 23, 3). Помимо формы, эти миски, по-видимому, от прочих отличается значительно более качественная обработка поверхности — хорошо заглаженная или подлощенная.

Все вышеописанные миски хорошо известны как в материалах самого Нижнего Побужья позднеархаического времени, так и среди синхронной лепной керамики степной и лесостепной зон Северного Причерноморья. Несколько более узкий ареал, вероятно, охватывают изделия пятого типа. В данном случае, судя по всему, речь в первую очередь должна идти опять-таки о районе Карпато-Дунайского бассейна.

Шестой и последний из выделенных типов лепной керамики поселения Куцуруб 1 представлен в нашей коллекции одним небольшим обломком края кастрюли с закраиной для крышки, возможно, имитация одной из форм

греческой круговой кухонной керамики. Весьма показательным с этнокультурной точки зрения оказывается и то обстоятельство, что лепная кастрюля имела типично местный, туземный вид украшения — в виде ногтевых вдавлений по краю.

Следует заметить, что, помимо отмеченных выше типов лепной керамики, на поселении, вероятно, существовали еще какие-то более редкие и специфические типы, к числу которых, судя по всему, относятся обломок стенки подлощенного сосуда с горизонтальной петельчатой ручкой, украшенной в местах прикрепления коническими выступами, и нижняя (придонная) часть сосуда с частыми сквозными проколами — обломок дуршлага (?).

Крайне редко в составе лепной керамики поселения встречаются обломки лепных крышек сосудов.

Необходимо признать, что куцурубские материалы дают некоторые основания для их деления не только по морфологическому, но и функциональному признакам. Так, не приходится сомневаться, что большая часть рассматриваемой лепной керамики этого памятника предназначалась главным образом для использования ее на кухне. В пользу такого заключения, помимо характерных форм сосудов первого и второго типов нашей классификации, вполне определенно указывает и наличие на подавляющем большинстве обломков ярких следов длительного воздействия огня на их поверхность. Вместе с тем, в комплексе лепной посуды поселения вполне отчетливо выделяется и типично столовая керамика — в виде

разного рода мисок. Весьма примечательной с этой же точки зрения кажется и довольно значительная вариабельность основных размеров горошков и банок. Априорно можно предположить, что наиболее крупные сосуды такого рода вполне могли служить в качестве емкостей для длительного хранения каких-то запасов, т.е. выполняли функцию корчаг. В пользу такого допущения, кроме больших размеров, может свидетельствовать и целый ряд дополнительных признаков и характеристик, в том числе и чисто технологического свойства. Так, например, создается впечатление, что по крайней мере часть наиболее крупных горшков и банок (около 4% объема всего комплекса лепной керамики) была изготовлена из однородной, хорошо отмученной глины с необычно большим количеством искусственного отощителя — шамота. Судя по плотности и излому черепков, имеющих кирпично-красный цвет, обжигу такой посуды придавалось особое значение: он проходил, скорее всего, не на открытых площадках, в кострах, а в специальных камерах при температуре значительно выше 700°С. Отметим также, что тщательно заглаженная ровная поверхность такого рода изделий не несет никаких следов закопченности, столь характерной для рядовой кухонной керамики.

Таковыми чисто технологическими признаками отнюдь не ограничивается своеобразие куцурубских корчаг. Оно шире и, по всей видимости, касается и их внешнего облика, поскольку именно для наиболее крупных сосудов комплекса лепной керамики поселения Куцуруб 1

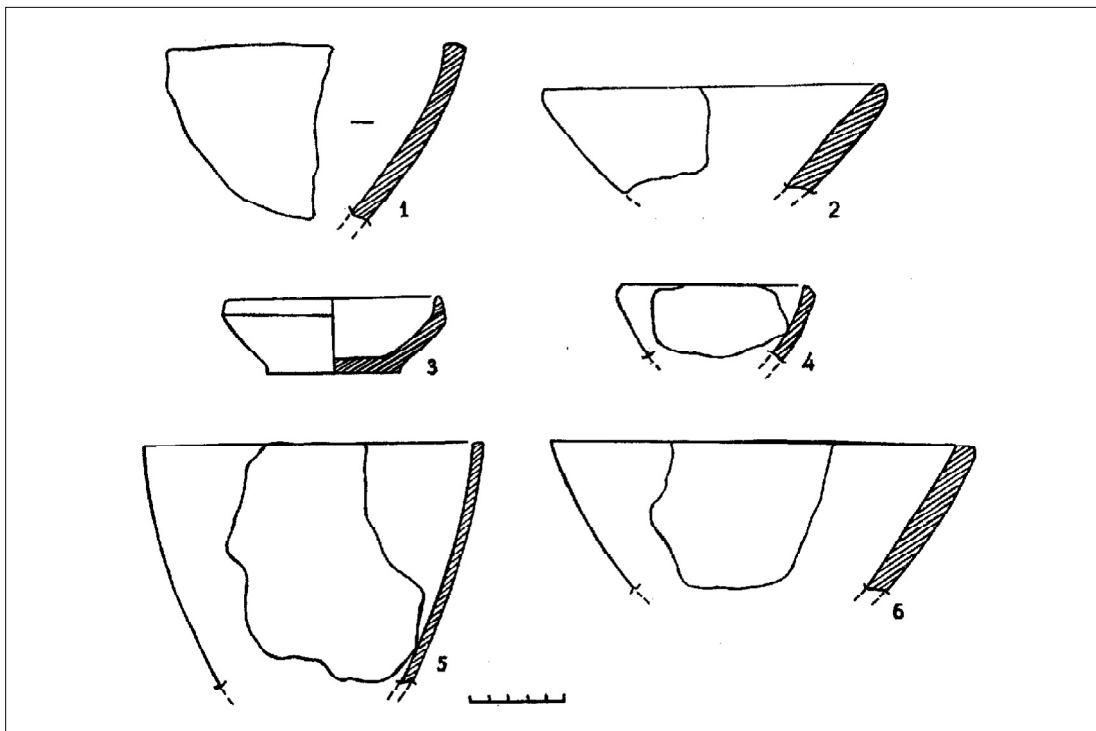

Рис. 23. Поселение Куцуруб 1. Лепная керамика.

характерны и наиболее сложные виды орнамента из налепных валиков, имитирующих, скорее всего, оплетку из органических материалов, призванную предохранять глиняную тару от боя.

Сам факт бытования корчаг в составе лепной посуды Нижнего Побужья позднеархаического времени не нов. К настоящему времени лепные корчаги удалось выделить в материалах трех памятников этого района: Ольвии, Березани и поселения Большая Черноморка II (Гаврилюк, Отрешко 1982: 81, рис.3, 1-6). Во всех указанных комплексах удельный вес такого рода керамики крайне невелик. В этом смысле полученные данные вносят немного в давно сложившееся мнение о весьма редком изготовлении и использовании специальных лепных сосудов для хранения припасов в быту местных жителей.

Гораздо более важным оказывается другое: возможность установления связи куцурубских корчаг с материальной культурой вполне конкретной группы населения ольвийской округи второй половины VI — первой четверти V вв. до н.э. — выходцами из Фракии. Такая возможность проистекает прежде всего из того обстоятельства, что все находки обломков этих сосудов на поселении Куцуруб 1 были обнаружены в слое и комплексах с относительно высоким содержанием материалов карпато-дунайского облика. Но важнее другое. Единственной областью Восточной Европы, в памятниках которой присутствует керамика раннежелезного века с тождественными или весьма близкими видами орнамента на корчагах, является именно Карпато-Дунайский бассейн и тесно связанные с ним территории (См. Марченко, Соловьев 1988: 56 сл.).

Несколько слов в заключение нашего рассмотрения лепной посуды. Сопоставление выделенных типов лепной керамики поселения Куцуруб 1 с аналогичной посудой памятников Северного и Северо-Западного Причерноморья дает возможность утверждать, что эта керамика в этнокультурном отношении неоднородна. В ней, судя по всему, может быть выделено по меньшей мере три различные части. Наиболее значительную по объему часть группы, по всей видимости, образует посуда — горшки, слабопрофилированные сосуды, украшенные валиками, банки, миски с горизонтальным ребром, хорошо известные на территории Карпато-Дунайского бассейна и в смежных с ним районах, т.е. местах расселения фракийских племен. На втором месте по численности находится керамика — горшки, орнаментированные пальцевыми вдавлениями, и миски в виде перевернутого усеченного конуса — группа, генетически связанная с памятниками степной зоны Северного Причерноморья. Третью и самую малочисленную — едва заметную — часть представляет один образец сосудов, имитиру-

ющих в туземной технике греческие кухонные кастрюли.

Ко всему сказанному остается лишь добавить, что керамики, тождественной бытовавшей на поселениях лесостепных районов Поднепровья и Побужья раннескифского времени, на поселении Куцуруб 1 практически не обнаружено.

Помимо посуды, на поселении Куцуруб 1 найдено небольшое количество вещественного материала самого различного назначения и характера (см. также. Марченко, Доманский 1991: 74, рис.15). Перечислим эти находки.

Предметы из камня: пять кремневых орудий-вкладышей (Рис. 24, 17); обломки четырехугольных каменных брусков для заточки стрел (?); точильный брусок и обломок небольшого пестика (Рис. 24, 16).

Железные предметы: обломок втока; фрагмент лезвия ножа.

Предметы из обожженной глины: несколько десятков пряслиц боченовидной, биконической, конической и округлой форм (Рис. 24, 13-15); лепные «хлебцы», «бублик» и молотковидный предмет, возможно, культового назначения.

Очевидно, к культовым изделиям следует причислить три терракотовые статуэтки: в виде «куклы» с подвесными руками и ногами, так называемого «храмового мальчика» и уже упомянутой выше схематично выполненной фигурки «божка» явно местной работы. Очевидно, такого же назначения были частично и различные поделки из стенок амфор, чернолаковых и сероглиняных сосудов в виде постоянно встречаемых в строительных комплексах и культурном слое кружков и так называемых намоток.

Категория вещей-украшений почти исчерпывается несколькими бусинами. Правда, имеется одна височная подвеска из медной проволоки (Рис. 24, 10) и орнаментированный частыми наколами кабаньих клык.

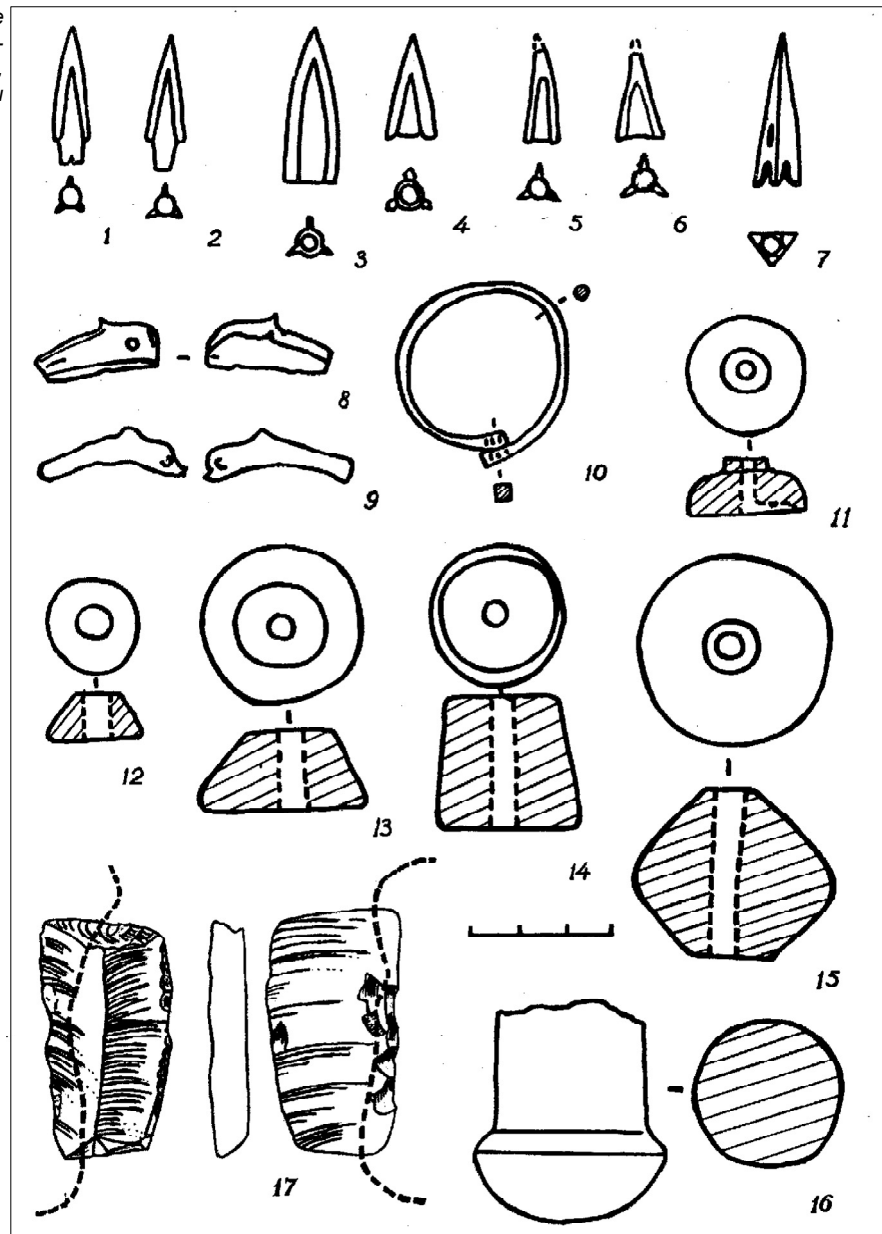
Находки предметов вооружения ограничиваются семью бронзовыми наконечниками стрел (может быть, упомянутый ранее железный вток также относится к данной категории вещей). Все наконечники стрел (за исключением одного — трехгранного и, очевидно, более позднего — Рис. 24, 7) трехлопастные, базисные и опорно-втульчатые, принадлежат второй хронологической группе (Рис. 24, 1-6).

Предметы из кости единичны: часть ручки ножа; два струга для обработки кожи, изготовленные из лопаток крупного животного, и орудие неизвестного назначения из трубчатой кости.

К предметам домашних промыслов относятся два свинцовых пряслица: в виде колесика и пирамидальное (Рис. 24, 11, 12).

Завершая этот обзор вещественных находок позднеархаического времени существования поселения Куцуруб 1, упомянем две монеты в виде дельфинов (Рис. 24, 8, 9).

Рис. 24. Поселение Куцуруб 1. Изделия из бронзы, свинца, глины и камня.

Раздел 3.

Общая характеристика поселения

Итак, подведем некоторые итоги нашего обзора комплекса вещественных находок. Создается впечатление, что типологический состав круговой керамики поселения Куцуруб 1 позднеархаического времени в общем во многом сходен с соответствующими синхронными материалами других античных памятников Нижнего Побужья, в том числе Ольвии и Березани. Вместе с тем, имеются все основания полагать, что он все-таки существенно беднее того, что дают не только комплексы наиболее крупных центров, но даже отдельных, столь же небольших, аграрных поселений этого района.

Но дело, в конечном счете, даже не в отно-

сительной скудости ассортимента типов круговой столовой и бытовой посуды нашего памятника. Гораздо явственнее относительная бедность его керамического комплекса проявляется буквально, т.е. в более чем скромном удельном весе относительно дорогих чернолаковых и расписных изделий из глины аттического и ионийского производства.

Сходное впечатление возникает и при анализе других категорий материала. Состав вещественных находок из металлов, кости и камня поселения Куцуруб 1 во многом повторяется на других рядовых памятниках Нижнего Побужья VI — первой трети V вв. до н.э. Однако и в

данном случае очевидна его сравнительная бедность, особенно четко проявляющаяся в почти полном отсутствии в собранной коллекции нумизматических находок, представленных лишь двумя ольвийскими дельфинчиками. Указанное обстоятельство в сочетании с зафиксированным выше своеобразием комплекса круговой керамики поселения вряд ли следует оценивать как случайное или зависящее исключительно от степени исследованности памятника. Можно предположить, что оно так или иначе отражает относительно низкий уровень развития торгово-денежного обмена между греческими центрами района — Ольвией и Березанью, с одной стороны, и поселением Куцуруб 1, с другой. Было ли это, однако, вызвано каким-то особым состоянием жителей Куцуруба 1, например, относительной бедностью, или определялось иными факторами хозяйственного, культурного и даже социально-политического уровней, установить в настоящее время, разумеется, крайне сложно. Впрочем, как кажется, из числа теоретически мыслимых причин такого рода вполне уверенно можно исключить фактор удаленности поселения от эллинистических центров, поскольку в комплексах еще более, если так можно выразиться, периферийных памятников Нижнего Побужья VI — первой трети V вв. до н.э., например, поселений Бейкушского и Большая Черноморка 2, представлены материалы ничуть не скромнее, а явно богаче куцурубских.

Суть дела заключена, по-видимому, в следующем. Весьма любопытным является относительно высокий удельный вес лепной керамики нашего памятника. Сам по себе этот факт может быть расценен как опять-таки показатель весьма скромных экономических возможностей обитателей Куцуруба, вынужденных в домашних условиях изготавливать более значительное, нежели на других сходных поселениях округа Ольвии, количество посуды, сработанной от руки без применения гончарного круга, для восполнения недостатка качественной, но зато и более дорогой керамики греческих ремесленников. Равным образом следует предполагать, что этот же высокий процент лепной керамики является косвенным показателем и относительно большего удельного веса аборигенов в составе жителей поселения Куцуруб 1, составлявших, скорее всего, к тому же его наименее зажиточный слой.

Заключая этими соображениями итоговую часть обзора вещественных материалов поселения, коротко суммируем наши представления о его историческом, хозяйственном и культурном облике в целом.

Древнее поселение у с. Куцуруб Очаковского района Николаевской области, получившее в научной литературе условное название Куцуруб 1, возникло в третьей четверти VI в. до н.э. Сам по себе факт существования в это время

Ольвии, Березани и целого ряда сельских населенных пунктов в ольвийской округе заставляет предполагать, что образование поселения так или иначе было обусловлено хозяйственной и социально-политической деятельностью Ольвийского полиса, направленной, надо думать, на всемерное освоение экономического потенциала Нижнего Побужья. Поэтому, скорее всего, базовая функция Куцуруба 1 уже изначально в значительной мере определялась потребностями греческой общины в продуктах сельского хозяйства. Именно этот род деятельности, вероятно, во многом определил быт и облик Куцуруба 1 в течение всего позднеархаического периода его существования. Впрочем, как обычно, прямых данных о земледелии в окрестностях памятника не обнаружено. Некоторые материалы косвенного характера дает лишь само поселение. Это прежде всего довольно большое количество (65 единиц) различных ям и углублений в материке, частично, можно думать, использовавшихся для хранения продуктов земледелия. Весьма любопытной, хотя и не бесспорной с этой же точки зрения, кажется находка и нескольких кремневых орудий — возможно, вкладышей от серпов.

О скотоводстве мы можем судить значительно полнее. За все годы раскопок на поселении было собрано более 5000 единиц костей животных, птиц и рыбы. Можно достаточно уверенно предполагать, что состав стада домашних животных поселения в позднеархаическое время мало чем отличался от надежно зафиксированного ранее для Старой Богдановки 2 (см. выше). Создается впечатление, что домашний скот здесь разводили главным образом для получения шерсти, молока и использовали как тяговую силу.

Теснейшая историческая связь поселения Куцуруб 1 с судьбой ольвийско-березанского экономического и политического образования вполне проявляется и в совпадении времени первого запустения памятника на рубеже первой и второй четвертей V в. до н.э. с общим запустением подавляющего большинства сельскохозяйственных поселений района. Констатируя данное обстоятельство, следует признать все же, что прямое, безоговорочное сопоставление Куцуруба 1 с другими наиболее изученными поселениями Нижнего Побужья позднеархаического времени вряд ли правомерно. Есть все основания думать, что по целому ряду существенных культурных признаков Куцуруб 1 все-таки отличается от синхронных аграрных пунктов ольвийской хоры. Эти отличия лежат прежде всего в сфере строительства, архитектуры и внутренней планировки поселения, о чем шла речь ранее.

Характерным отличием культуры нашего памятника является и весьма высокий удельный вес лепной посуды, обладавшей к тому же, судя по ее функциональной структуре (кухонные гор-

шки, миски, корчаги), всеми признаками самостоятельного, а не подчиненного по отношению к круговой керамике, значения. Судя по набору типов лепных сосудов и их соотношениям в группе, самый крупный компонент жителей туземного происхождения Куцуруба 1 образовывали фракийцы, а следом за ними — выходцы из степной зоны Причерномья. Это свидетельствует о весьма определенном в этнокультурном отношении населении поселка, в пользу его своеобраз-

разной монолитности, но только в том смысле, что сводилась она к преимущественно варварскому составу жителей. Именно это последнее, на наш взгляд, в конечном счете и могло обусловить своеобразный, во многом застойный облик материальной культуры поселения Куцуруб 1, поставив какие-то преграды на пути ускоренного проникновения сюда разного рода влияний со стороны быстро развивавшегося Ольвийского государства.

Заключение

Теперь, когда мы достаточно подробно рассмотрели практически всю информацию, накопленную в результате многолетних раскопок двух поселений Нижнего Побужья позднеархаического времени — Старая Богдановка 2 и Куцуруб 1 — и установили хотя бы некоторые из существенных черт их материальной культуры, разумеется, в чисто археологическом выражении, перейдем к сравнению этих памятников.

Начать, по всей видимости, следует с констатации определенной близости исторических судеб этих поселений, выразившейся, в частности, в практической одновременности их появления в третьей четверти VI в. до н.э. и одновременности же гибели в конце первой-начале второй четвертей следующего столетия. Судя по совокупности данных, имеющихся в нашем распоряжении, сам факт одновременного возникновения Старой Богдановки 2 и Куцуруба 1 следует, скорее всего, рассматривать в контексте происходившего в то время освоения греческими колонистами экономического потенциала всего Нижнего Побужья, вызвавшего к жизни в этом районе несколько десятков населенных пунктов с аграрной по преимуществу ориентацией хозяйства.

Такое положение дел, как кажется, позволяет нам определить оба поселения как некую вполне органичную часть одного большого культурно-исторического образования, главной цементирующей силой которого, очевидно, являлся Ольвийский полис. Именно это, последнее обстоятельство делает, на наш взгляд, вполне целесообразным и методически оправданным проведение сравнения Старой Богдановки 2 и Куцуруба 1 сразу в двух тесно связанных между собой плоскостях — непосредственно и через сопоставление с хорошо изученной эталонной материальной культурой Ольвии и Березани (Борисфена) — общепризнанных экономических, политических и культурных центров Нижнего Побужья архаического времени. Заметим также, что, поскольку такое сопоставление по существу во многом уже проделано в соответствующих частях разделов глав 1 и 2 настоящей работы, нам остается лишь суммировать основные выводы проделанного анализа.

Итак, резонно предполагать, что весьма

вероятное вхождение наших памятников вместе с другими аграрными поселениями Нижнего Побужья в единое культурно-историческое образование, возникшее вследствие колонизационной и хозяйственной деятельности эллинов Ольвии и Борисфена, должно было так или иначе наложить какой-то нивелирующий отпечаток на их материальную, а, возможно, и духовную сферы культур. И такой отпечаток, действительно, легко фиксируется в материальных остатках, дошедших до наших дней. Как показывает анализ собранной информации, наиболее ярким выражением культурной нивелировки представляется ныне использование в быту обитателей обоих пунктов довольно-таки большого количества разнообразной кружальной импортной и ольвийской посуды, включая, разумеется, и тару.

Судя по полному отсутствию сколь-либо заметных следов производства такого рода изделий на территории самих памятников, можно думать, что по крайней мере какая-то часть этой керамики поступала сюда извне в виде товара, обмениваемого на местные продукты земледелия и скотоводства. Весьма любопытным и показательным в этой связи представляется, кстати, и присутствие в составе вещественных находок с Куцуруба 1 и особенно Старой Богдановки 2 небольших серий ольвийских разменных монет в виде дельфинчиков, свидетельствующих, быть может, в пользу развития здесь уже в позднеархаическое время каких-то элементов денежного обращения.

Остановимся на последнем предположении подробнее, поскольку от четкости его решения во многом зависит определение степени близости рассматриваемых нами памятников эллинской культуре вообще и Ольвии в частности. Совершенно очевидно, к примеру, что сам по себе факт использования здесь денег в качестве эквивалента стоимости будет прямым указанием либо на этнически греческую по преимуществу принадлежность жителей Куцуруба 1 и Старой Богдановки 2, либо, на худой конец, на чрезвычайно высокий уровень их эллинизации.

Если теперь обратиться к рассмотрению соответствующих материалов, способных так или иначе прояснить характер торговых отношений жителей наших поселений с ольвиопо-

литами, то уже в первом приближении становится очевидным, что они предоставляют в наше распоряжение совершенно разные возможности.

Наиболее сложная ситуация, по всей видимости, складывается в случае с Куцурубом 1, где за все годы раскопок было обнаружено всего два дельфинчика, что при всех обстоятельствах вряд ли может служить надежным основанием для вывода о денежном характере торговых операций на этом поселении. Вместе с тем, сам факт нахождения на территории Куцуруба 1 этих разменных монет Ольвии явно не случаен и в принципе может быть истолкован как еще один показатель вхождения памятника в экономическую орбиту Ольвийского полиса. В этих условиях, судя по всему, было бы ошибочным думать, что за малочисленностью дельфинчиков обязательно кроется нечто совершенно не связанное с использованием здесь денежных знаков по их прямому назначению, а, к примеру, хранение монет в качестве «сувениров» и т.п. Дело, по-видимому, в другом, а именно — в крайне небольшом числе именно товарно-денежных операций в общем объеме торговли Ольвии с Куцурубом 1, носившей все-таки, надо полагать, преимущественно вид натурального (прямого) обмена. Вполне допустимым, наконец, представляется и «случайная» потеря дельфинчиков самими ольвиополитами, более или менее продолжительное время находившимися на территории поселения. В пользу присутствия какого-то небольшого числа греков в составе обитателей Куцуруба 1 может говорить, по-видимому, и наличие в составе вещественных находок с памятника двух эллинских культовых терракотовых статуэток.

Совершенно иную картину рисуют нам соответствующие материалы другого поселения — Старая Богдановка 2. В данном случае, как кажется, у нас есть более веские основания предполагать развитие здесь, на поселении, товарно-денежных отношений и, как следствие, более тесных хозяйственных и этнокультурных контактов местных жителей с ольвиополитами. Наиболее убедительным аргументом в пользу такого вывода будет сам факт находки на памятнике довольно-таки большого числа медных ольвийских монет в виде дельфинчиков — 23 единицы. Немаловажным обстоятельством оказывается и то, что все эти монеты были обнаружены в самых различных частях Старой Богдановки 2 — в культурном слое, строительных и хозяйственных комплексах, — что само по себе является вполне надежным указанием на их органическую связь с деятельностью местных обитателей. Учитывая же кратковременность функционирования поселения и относительную малочисленность его жителей, можно думать, что эти деньги представляли вполне обычное явление и имели здесь достаточно широкое хождение.

Вернемся теперь снова к комплексу импортной греческой и ольвийской кружалной керамики Куцуруба 1 и Старой Богдановки 2. Как было установлено выше, эта керамика поступала на поселения через посредство Ольвии и, быть может, Березани и дальше широко распространялась в среде местных жителей. Вместе с тем, было установлено и другое: привозная керамика Куцуруба 1 была в целом несколько беднее той, которая поступала в Старую Богдановку 2, причем эта бедность охватывала буквально все поддающиеся в настоящее время оценке стороны: величину удельного веса в общем балансе материалов, качество (дороговизну) и ассортимент изделий. Весьма важным выводом с этой же точки зрения стало признание факта отсутствия прямой зависимости между упомянутой относительной бедностью круговой посуды Куцуруба 1 и степенью удаленности этого памятника от поставщика продукции, т.е. от Ольвии или Березани. Наиболее вероятными факторами, влиявшими на величину удельного веса, качество и ассортимент импортной посуды, были признаны широта торговых контактов, культурная близость грекам Ольвии и, наконец, несоответствия в жизненном уровне обитателей обоих поселений. Во всех этих отношениях жители Старой Богдановки 2 выглядят несколько предпочтительней «куцурубцев».

Что же касается общности всех остальных выделенных нами элементов материальной культуры этих же памятников, то она представляется еще более сомнительной.

Так, например, очевидно, что сравнительно небольшая (всего около 19,5% объема комплекса) группа лепной керамики поселения Старая Богдановка 2 имеет довольно сложный в этнокультурном отношении состав. В ней вполне надежно выделяется по меньшей мере три или даже четыре генетически различных компонента — степной, лесостепной, карпато-дунайский и, может быть, крайне небольшой эллинский. Совершенно аналогичную картину дают и соответствующие материалы Ольвии и Березани. В то же время гораздо более обширная группа лепной посуды другого поселения — Куцуруб 1, достигающая 34% объема комплекса, значительно более гомогенна и содержит главным образом керамику карпато-дунайского облика с дополнением степной, но без заметных примесей сосудов лесостепных районов Украины.

Еще более серьезные различия этого же вида и уровня фиксируются нами в строительном деле поселений. Накопленные ныне данные рисуют предельно динамичную картину развития Старой Богдановки 2, на территории которой наблюдается удивительно быстрая смена во времени нескольких типов построек, переход от строительства относительно простых круглых, овальных и четырехугольных зем-

лянок и полуземлянок к более совершенным и, несомненно, трудоемким сырцово-каменным наземным сооружениям, в том числе и общественного назначения; одновременно с этим отмечается и довольно четкая регламентация площади поселения под новую застройку. Следует заметить также, что все это, вместе взятое, явно сближает Старую Богдановку 2 с Ольвией, Березанью и некоторыми другими памятниками Нижнего Побужья, где также фиксируется (с некоторыми хронологическими и культурными отличиями, разумеется) сходное развитие строительного дела.

Абсолютно иное впечатление в этом смысле производит Куцуруб 1. Строительное дело этого поселения отличают крайний примитивизм, консервативность, однообразие и экстенсивное использование территории. Есть все основания полагать, что здесь в течение всего позднеархаического времени функционировал практически лишь один тип жилых и хозяйствен-

ных построек — круглые землянки и полуземлянки.

Как представляется, эти и некоторые другие несоответствия «общих» элементов материальной культуры наших памятников являются следствием их серьезных культурных различий. Совершенно очевидно также, что в основе таких различий лежат, как правило, различия этнические. Можно думать, таким образом, что поселение Куцуруб 1 имело значительно более туземное и одновременно более однородное, нежели поселение Старая Богдановка 2, население, появившееся, по всей видимости, в Нижнем Побужье из какого-то района Карпато-Дунайского бассейна. Именно этим последним обстоятельством, т.е. варварским в своей основе составом жителей, может быть в конечном счете объяснен и более низкий, чем у Старой Богдановки 2, вид хозяйственных и культурных связей Куцуруба 1 с Ольвией и Березанью.

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов Ю.Г. 1980. Перстень царя Скила. Политическая и династийная история скифов первой половины V в. до н.э. // СА — 3.
- Гаврилюк Н.А., Отрешко В.М. 1982. Лепная керамика архаического поселения Большая Черноморка II // Древности степной Скифии. Киев.
- Головачева Н.В., Марченко К.К., Рогов Е.Я. 1998. Уникальные сооружения северного района Ольвийской хоры // РА — 3.
- Доманский Я.В., Копейкина Л.В., Марченко К.К. 1978. Из истории Нижнего Побужья в VII-V вв. до н.э. (Березань, Ольвия, ольвийская округа) // Проблемы археологии — 2. Л.
- Доманский Я.В., Марченко К.К., Рубан В.В. 1975. Исследование поселений на берегах Бугского лимана // АО — 1974.
- Козуб Ю.И. 1979. Предмістя Ольвії // Археологія — 29.
- Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М. 1989. Сельская округа Ольвии. Киев.
- Крыжицкий С.Д., Бураков А.В., Буйских С.Б., Отрешко В.М., Рубан В.В. 1980. К истории Ольвийской сельской округа // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев.
- Крыжицкий С.Д., Русяева А.С. 1978. Найдавніші житла Ольвії // Археологія — 28.
- Кругликова И.Т. 1976. Сельское хозяйство Боспора. М.
- Марченко К.К. 1976. Лепная керамика Березани и Ольвии второй половины VII-VI вв. до н.э. // Художественная культура и археология античного мира. М.
- Марченко К.К. 1979. Взаимодействие эллинических и варварских элементов на территории Нижнего Побужья в VII-V вв. до н.э. // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси.
- Марченко К.К. 1985. Исследование поселения Старая Богдановка 2 // АО — 1983.
- Марченко К.К., Головачева Н.В. 1985. Новый тип строительных комплексов позднеархаического времени в Нижнем Побужье // КСИА — 182.
- Марченко К.К., Доманский Я.В. 1981. Античное поселение Старая Богдановка 2 // АСГЭ — 22.
- Марченко К.К., Доманский Я.В. 1983. Комплекс вещественных находок на античном поселении Старая Богдановка 2 // АСГЭ — 24.
- Марченко К.К., Доманский Я.В. 1983. Культовый зольник на поселении Куцуруб 1 // КСИА — 174.
- Марченко К.К., Доманский Я.В. 1986. Античное поселение Куцуруб 1 // АСГЭ — 27.
- Марченко К.К., Доманский Я.В. 1991. Комплекс вещественных находок на античном поселении Куцуруб 1 // АСГЭ — 31.
- Марченко К.К., Соловьев С.Л. 1988. Нова група ліпної кераміки Нижнього Побужья пізньоархаїчного часу // Археологія — 63.
- Мелюкова А.И. 1964. Вооружение скифов // САИ — Д1-4.
- Онайко Н.А. 1976. Раскопки Торика // Археологія — 20.
- Отрешко В.М. 1980. Раскопки периферийного отряда Ольвийской экспедиции // АО — 1979.
- Шрамко Б.А. 1957. Следы земледельческого культа у местных племен Северного Причерноморья в раннем железном веке // СА — 1.